

ПРОКЛЯТЫЙ ГОРОД

КЛЭР ТВИН

ТВОЯ ЖИЗНЬ НИКОГДА НЕ СТАНЕТ
ПРЕЖНЕЙ

Клэр Твин

Проклятый город

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64351676

SelfPub; 2023

Аннотация

Привычная жизнь Марго меняется после отъезда друзей, а над Салли Хилл наконец-то расходятся тучи. К несчастью, длится это блаженство недолго, и тьма вновь возвращается в город, терроризируя местных жителей... Марго знакомится с миром кровожадных охотников, которые истребляют сверхъестественных существ, высасывая из них не только жизнь, но и магию. Ведьме суждено столкнуться с тьмой в её истинном облики, спасти родной город, друзей и себя. Заручившись поддержкой новых товарищей, девушка готова исполнить пророчество... Но получится ли остаться целыми и невредимыми? Встречайте последнюю часть истории о приключениях юной ведьмы, оборотня и обычного смертного. Мир, полный загадок и волшебства.

Содержание

1753 год. Салем	4
Волчий чертог	12
Водоворот неприятностей	30
Зазеркалье	54
«	87
Видение	119
1759 год. Кровавая пятница	140
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Клэр Твин

Проклятый город

1753 год. Салем

Туман лёг на пустые улицы города. Окна домов надёжно заколочены, а масляные лампы потушены. Салем крепко спит, чего нельзя сказать о его жителях.

Под тяжёлым весом скрипят полы. Человек в чёрном плаще запирает дверь на засов и выпрямляет плечи. Он очень много работает и потому устаёт, вдобавок страдая от «чёрной» оспы, старик переносит страшные головные боли, лому в теле и отвратительную сыпь, которая покрыла все его тело. Чтобы скрыть свою болезнь и мерзкие папулы, он носит чёрную маску и много-много ткани. Болезнь – не причина отказываться от своей цели, именно так он считал и ни разу не отступался от своей точки зрения.

Избавившись от легкого головокружения, старик обращается всем телом к огромному окну, у которого стоял не менее огромный стол из красного дерева с изысканными вырезками в стиле французской моды. Стол очень старый, тем не менее, от него исходит сила, жизнь и мудрость. Бронзовая масляная лампа разгоняет полумрак, привлекая к себе

излишнее внимание мотыльков, бьющихся о стекло, жадно пытающихся прикоснуться к свету, совсем не понимая, что этот свет – их гибель. Небольшая фигура сидит спиной к вошедшему старику и медленно, аккуратным почерком, выводит чернилами одно и то же предложение, раз за разом, внимательно изучая каждую букву. Старик стиснул зубы от боли в суставах и пообещал себе в скором времени избавиться от мучений, которые подарила ему оспа. В комнате повисла тишина, полная шёпотов и страхов.

– Забавное явление, – заметил старик, взглянув на мотыльков у лампы, – и ведь у людей так: мы стремимся заполучить то, что в конечном итоге приводит нас к смерти.

Фигура за столом не перестала писать, но все её внимание было настроено на реплику вошедшего.

Мужчина в мантии сделал пару шагов к громадному стулу и навис над совсем ещё юной девочкой в ослепительно белом платье из хлопка. Она задержала дыхание и ещё старательней начала выводить буквы на жёлтом листке бумаги, боясь оставить где-нибудь кляксу. Таких листков с одним и тем же предложением собралась целая стопка, и хоть рука девочки невероятно ныла, она не останавливала свою работу, потому что знала, что за подобное можно заработать наказание.

– Жизель, ты большая молодец. Продолжай стараться, и тогда ты станешь великой среди могущественных, – искренне удивился старик, похлопав по плечу забинтованной рукой девочку.

Поставив точку в конце строчки, Жизель слегка выдохнула, усмиряя своё маленькое сердце. Она знала, что один неверный жест или ответ повлечёт за собой страшное наказание в виде десятиминутной порки. А её тело и без того все в шрамах.

– Благодарю, наставник, – кротко ответила она.

Старик, легонько кивая головой, посмеялся. Ему и в голову не приходило, что самая бездарная ученица может стать лучшей среди своих соплеменников. Обойдя стол, он встал напротив темноволосой девочки и гордо поднял голову, сверкнув чёрными глазами. В полумраке он ещё ужаснее, чем при свете дня. Жизель боялась взглянуть ему в глаза, посмотреть сквозь маску и увидеть мерзкие волдыри «смерти». Поэтому она сидела смирно, крепко сжимая пальцами перо в крохотной руке.

Изучив взглядом двенадцатилетнюю ученицу, старик облизал сухие губы под чёрной бархатной маской и спросил:

– Ты боишься меня, дитя?

Сердце в груди Жизель замерло. Она неуверенно подняла голову на страшную фигуру и сглотнула горький ком в горле.

– Я вас не боюсь, но в тоже время опасаясь.

Наставник ухмыльнулся над ответом девочки.

– Кажется, ты много чему научилась за эти три года. Порка идёт тебе на пользу, дитя, – девочка стиснула челюсть, бегая глазами по тёмному кабинету, – думаю, ты готова.

В это мгновение Жизель почувствовала неопишемую

боль в животе и резкую тошноту. Она круто подняла на наставника взгляд и округлила свои маленькие серые глаза, переполненные страха и сомнений.

– Что?..

– Да, Жизель, ты готова. Тебе осталось пройти только одно испытание, после чего тебе выпадет честь защищать человечество от демонов, – старик поглядел сквозь побледневшее лицо девочки и громко выкрикнул: – Привести мальчишку!

И секунды не прошло, как в комнату вошли четыре высоких человека в чёрных мантиях с красным знаком на груди. Знак представлял из себя круг, в центре которого расположена полная луна, сшитая из красной нити и клинок. Воздух будто свернулся. Стража бросает к ногам напуганной девочки человека с завязанными руками и ногами. Это был маленький мальчик, почти такого же возраста, что и Жизель. На его макушке головы глубокая рана, волосы липкие от крови, одежда грязная и мокрая. Он был похож на живого мертвеца, и запах соответствовал первому впечатлению.

Старик кивнул мужчинам, и те покорно покинули комнату, где витал аромат крови и смерти. И вправду, смерть близка.

Наставник медленными шагами прошёл к пленнику и сел перед ним на корточки, разглядывая его внешний вид, а тот, в свою очередь, глядел лишь на пол, кашляя собственной кровью.

– Назови своё имя, – громко приказал старик мальчику, и когда тот не послушался, он крепко схватил его за отросшие волосы на голове и показал лицо Жизель.

Девушка скривила гримасу от омерзения и одновременно ранней скорби, ведь ей было ясно, что мальчику живым отсюда не выбраться. Лицо его было изуродовано шрамами и синяками, оно разбухло.

– Я сказал тебе назвать своё имя, паршивец! – крикнул снова старик.

Сглотнув слюну, пленник севшим голосом выдал:

– Кай.

– Погляди на него, Жизель. Внешне он обычный человек, мальчик, ребёнок, такой же, как и ты. Неправда ли?

Жизель быстро кивнула. Старик с безгливостью оттолкнул голову мальчишки и встал с корточек, вытирая мантией испачканные чужой кровью руки, хоть они и были забинтованы. Ненависти его нет предела.

– Паршивец! Обманщик! Демон! – сплюнул он, пнув ногой ребра Кая, который скрутился от боли. – Он вовсе не человек. Это маска. Смотри внимательно, Жизель, смотри и запоминай. Вот от кого мы спасаем мир. От монстров! А что нужно делать с монстрами, Жизель?

Боковым зрением наставник уставился в сторону онемевшей от страха девушки. Она моментально привстала с места, руками хватаясь за спинку стула.

– Монстров нужно убивать, – почти шёпотом ответила

она, не убирая взгляд с полуживого мальчика.

– Умница. Да, их нужно убивать. Запомни, девочка, три железных правила охотников: «Не щади. Убивай. Наказывай». Никогда не отрекайся от этих правил, иначе... они тебя победят.

Старик небрежно хватается Кая за воротник рубашки и поднимает на слабые ноги, которые зудят от боли. Мальчишка прикусил разбитые губы и прикрыл веки. Говорить не было сил, да и что он мог сказать? Разве его оскорбления, угрозы или мольбы о пощаде что-то изменят? Он бы мог заклинанием унести себя на другой конец света, но его сил еле хватало для того, чтобы дышать. Да уж, а ещё говорят, что сумеречные существа монстры. Настоящий монстр – это человек!

– Сейчас ты докажешь верность охотникам, – сообщил наставник, не смотря на Жизель.

Он достал из пазухи клинок и протянул его к ученице. Та в свою очередь оцепенела, бегая глазами по острому оружию, понимая весь ужас этой ситуации. Ещё пару минут назад она выводила чернилами буквы, а сейчас чернила стали кровью, буквы же подобны кинжалам. Её сердце обливается кипятком, а разум полностью отключился.

– Наставник... – попыталась поспорить она, но старик непоколебим.

– Бери.

Жизель вновь сглотнула комок и перевела взгляд на мальчика, а потом на своего учителя.

– Он же дитя...

– Глупая девчонка, он демон! Колдун! Вспомни сколько людей в Салеме пострадало от таких, как он! Убей его. – наступила звенящая тишина, а затем тишину нарушил крик: – Я сказал, убей его!

Девочка с дрожащими руками хватается клинок и не может сделать шаг. Она знает, что должна, но боится отбирать чужую жизнь. Кто она такая, чтобы распоряжаться кого убивать, а кого щадить? Для этого есть Бог.

«Монстры должны умирать», – повторяет она себе в уме. Собравшись с мыслями, Жизель шаг за шагом приближается к юному магу и смотрит прямо в его прикрытые веки. Минуты замерли. В крови бьёт адреналин. Она крепко сжимает клинок в руке, переводит дыхание и застывает в пару сантиметров от пленника.

– Монстры должны умирать, – сказала она Каю, и в эту секунду, глазом не моргнув, перерезала ему кинжалом горло.

Темная кровь брызнула на белое платье Жизель, испачкав не только наряд, но и её лицо. Мальчик, задыхаясь, падает на пол и бьётся в конвульсиях, проживая последние мгновения своей короткой жизни. Кто бы мог подумать, что его судьба так жестокосердна... Сперва в библиотеке слышался кашель, который был полон знаков, но сейчас только тишина. Пламя лампы задергалось.

– Я ошибался на твой счёт, – признался наставник, – ты будешь великим охотником.

Жизель смотрит на своего учителя, глубоко вдыхая и выдыхая, а затем слегка проводит кончиками пальцев по крови на своих щеках. От неё пахло железом, победой и смертью. Прекрасная смесь для охотников. Её рука невольно тянется к губам, после чего она облизывает один палец, наслаждаясь красным нектаром монстра. И с этой минуты все изменилось. Её серые глаза вспыхивают и меняют оттенок: сперва искры жёлтые, а после они исчезают, но к ним на замену приходит коричневато-оранжевый оттенок. Отныне магия живёт в сердце девочки, и её сущность неотвратима. Жизель была рождена для того, чтобы убивать. Убивать монстров, питаясь их магией, чтобы защитить людей.

– Благодарю за доверие, наставник. Я вас не подведу, – спустя паузу чужим голосом сказала Жизель.

Старик хотел было ей ответить, но его прерывает какой-то шум со стороны книжных полок: какая-то рукопись упала на пол.

Охотники нахмурили брови и подозрительно посмотрели друг на друга.

– Кто здесь? – громогласно спросил старик, достав ещё один клинок.

Не дожидаясь ответа, он помчался к полкам и принялся раскидывать книги по углам, стараясь найти неизвестного в кромешной тьме, которую он разрывает своим остриём. Но никого не было.

Или было, но только не в это время.

Волчий чертог

Салли Хилл – город опасностей и секретов: прибыв сюда, вы уже никогда не вернётесь назад такими, какими были когда-то. Город меняет вас, питается вашими страхами. Но несмотря на это, мир не стоит на месте. Подобное невозможно, это нонсенс. Возможно, кому-нибудь и хочется прожить один и тот же день несколько раз подряд, прожить те же эмоции раз за разом, но мир, к счастью или к сожалению, продолжает вертеться вокруг Солнца, а ночь сменяется днём, наступают закаты и рассветы, приходят приливы и отливы. Забавно... Нашей планете четыре с лишним миллиардов лет, но спустя столько времени, лишь сейчас немногие из нас узнают о существовании сумеречного мира – мира полного страхов, опасностей и волшебства. Интересно, когда же всё-таки зародилась магия? И кто стал зачинателем всего этого Зазеркалья? Кажется, нам ещё многое предстоит узнать. Мы ни раз будем удивляться, бояться и стремиться стать частью чего-то таинственного, опасного, но не на шутку манящего. Такова наша натура.

И вправду, жизнь не стоит на месте, поэтому мне нужно взять себя в руки и сделать это. Мне нужно встать с постели и отправиться на работу.

Черт возьми, я одолела древнюю ведьму и семейку вам-

пиров, смогу сделать и это! Раньше было легче, потому что раньше мне было известно, что покинув дом, я увижусь с дорогими друзьями... Но теперь все иначе. Перемены явно не к лучшему, ибо каждый чертов день я тоскую по ним. Мне дико одиноко, однако, увы, мое нытьё не вернёт Билла и Генри в Салли Хилл. Зачем нужна магия, если я не могу пользоваться ею сполна? В чем весь смысл? Дурацкое равновесие!

Но вот настал новый день сентября – время душевной боли, сонливости и рутины. Всё-таки не зря осень для меня не самое любимое время года. Первые сухие желтые листья, опавшие на газон и трассу, напоминают мне о прошлом... Прошёл год с тех самых пор, когда началось мое приключение. Год назад, в эти дни, мы с Биллом трудились в поте лица, стараясь найти какие-либо зацепки об оборотне, терроризирующего город. Поверить не могу... Время пролетело так быстро.

Салли Хилл уже забыл о кровавой ночи, которую устроили Олсоны; они живут дальше, изредка оглядываясь назад, покрываясь мурашками и впадая в депрессию. Однако тёмный след вампирам все же удалось оставить после себя: приток туристов сократился в три раза; лишь отважные смельчаки решаются погостить в Салли Хилл, надеясь услышать жуткие истории о волке-людоеде. Кажется, это уже наша визитная карточка. Людям нравятся подобные истории, они клюют на удочку, как идиоты и впитывают ложь, подобно губкам. Народ думает, что смертям пришёл конец, в чем

я совсем не уверена. Всегда нужно быть готовыми. Зло не дремлет, оно лишь ждёт подходящего момента, чтобы выпустить когти.

Одним движением пальца раздвигаю шторы на окне, пропуская в свою комнату дневной свет, в котором блаженствует пыль от моей книжной полки. К моему невезению, на небе собрались хмурые гнетущие тучи, заслонившие собой осеннее солнце: обещает пойти дождь. Ненавижу сырость. Немешкая, привожу себя в человеческий вид, зубной щёткой вальсируя по ротовой полости, после чего принимаю душ, а спустя время завязываю длинные волосы в тугий узел на макушке головы и перебрасываю через плечо наушники. Теперь можно идти.

– О, как раз вовремя! Завтрак на столе, – обрадовала меня мама, когда я хлопнула дверь за своей спиной.

Она обувается в ботинки и одновременно смотрит на наручные часы, словно куда-то спешит. А может, так оно и есть.

– Ты уходишь? – спросила я, застегнув змейку лёгкой спортивной куртки.

– Да. Мне нужно заехать к Ронде, забрать вещи из химчистки, купить продукты, а затем на работу, где меня ждёт мой клиент с множествами расстройств. В общем, дел невпроворот, – на маме оранжевая рубашка, заправленная в строгие брюки и выходные серьги, которые ей подарил папа.

Красавица. На самом деле, мама очень похорошела. Я ра-

да, что ей удаётся держать себя в руках и много не думать о смерти бабушки. Это был удар в самое сердце. Тем не менее, нашей семье удалось пройти очередное испытание и жить дальше, как это делают все люди, которые сталкивались со смертью близких. Рано или поздно все мы уйдём, но, как я и говорила, жизнь на этом не останавливается.

Проводив её, я крикнула отцу, сидящему за кухонным столом, что уже ухожу и закрываю входную дверь дома, жадно втянув ноздрями свежий воздух в свои лёгкие. Увы, ветер раскалённый и тяжёлый, будто в нем растворилась ртуть. Небо хоть и затянуто серыми, а местами и темными тучами, но на улице нестерпимо душно: вечером, а может и днём, быть грозе.

Включив музыку, я запихиваю наушники в уши, после чего отправляюсь на пробежку, игнорируя жар и стекающий по лбу пот. Кошмар! А ведь я ещё, дура, напялила на себя куртку. Немедленно избавляюсь от неё, обвязав рукава вокруг талии, продолжаю бежать трусцой. Машины останавливаются на светофорах, кто-то отправляется в школу, другие на работу; поочерёдно открываются лавки, магазины и бутики. Жаль, что эти мгновения я не могу разделить вместе с Биллом. Он, наверное, сейчас собирается на лекции или пьёт бодрящее кофе, латте, его любимое. Или, быть может, Билл думает обо мне в эти секунды и также желает оказаться рядом. Черт его знает. Это же Билл – он непредсказуемый волчонок.

Спустя отрезок времени уже бегу по аллее, все глубже забираясь в лес, который я вызубрила как историю нашего города. Запах палена, утренней росы и ягод щекочет кончик моего носа, заставляя его предательски чесаться. Под подошвой кроссовок хрустят скукоженные желто-оранжевые листья и поредевшая, опущенная к земле, трава, сухие ломкие сучья и корешки. Некоторые листья падают мне на голову, другие мимо. Я будто оказалась в сказке, но зная наш город, это скорее фильм ужасов, но уж точно не детское телешоу. Ловко перепрыгиваю выпирающий корень сухого дерева и мысленно даю себе «пять». За эти месяцы я занялась спортом, поддерживая фигуру и запретила себе есть вредную пищу. Генри рассмеется до потери пульса, когда узнает об этом, в последствии чего затолкает мне в рот огромный кусок пепперони.

Чувствую боль в боку и постепенно сбавляю скорость, стараясь дышать носом, а не ртом. Грудь судорожно вздымается и опускается, капельки пота стекают по шее к груди, отчего ткань прилипает к коже; ноздри горят, точно я дышу углекислым газом. Господи, как же хочется под ледяной душ, чтобы смыть всю грязь и усталость. Наверное, пробежка по утрам была плохой идеей.

Убираю с ушей наушники и прячу их в карман. В эту секунду на телефон приходит сообщение, взбудоражив меня, из-за чего сердце забилося ритмичнее. По губам невольно расплывается улыбка надежды, однако она сразу же стирает-

ся с потного лица, когда на экране высвечивается не то имя.

Мама: Забери вещи из химчистки. У меня не получается. Спасибо!

Дерьмо. Сегодня «Старый гном» откроется гораздо позже, чем обычно.

Усмирив сердцебиение, я вновь хочу включить музыку и продолжить пробежку, как слышу со стороны какой-то шум. Так, мне это не по душе. Любой знает, что подобное явление не шалость простого зайца в кустах. На самом деле, из-за своей активной жизни, я уже подозреваю любой звук, любой мутный взгляд или странное движение, ожидая встретить потенциального врага, которого нужно отправить в мир иной. Порой мне кажется, что быть готом куда лучше, чем салеумской ведьмой. Подумаю над этим на досуге.

Выпрямляюсь, обернувшись на девяносто градусов в сторону. Шум точно донёлся с южной стороны. Прищуриваюсь, чтобы заметить что-нибудь странное, но за деревьями ничего нет либо мне так показалось... Во всяком случае, я точно что-то слышала. На кончике языка уже повисло заклинание, которое по одному моему желанию готово вырваться наружу. И тут я замечаю следующее... Хотя, сперва скорее слышу. Целый хор вороньего карканья. Резко поднимаю голову к небу и улавливаю, что из-за деревьев в мою сторону летит целая туча ворон, которые оглушительно каркают и угро-

жающе машут крыльями. Их чёрные перья, напоминавшие уголь, добывающийся в шахтах, замораживают меня своим размахом и в тоже время неистово пугают, как человека с клаустрофобией, застрявшего в лифте. В голове одна мысль: бежать!

Ноги сами несут меня вперёд, будто знают, что именно нужно делать. И слава Богу, поскольку мой мозг предательски отключился в сию секунду. В груди колит, а легкие горят, точно в них пробурили дырки, но я не останавливаюсь. Господи, что за чертовщина? Признаться честно, появление стаи застало меня врасплох. Я ожидала увидеть, что угодно и кого угодно, но только не чёрную пернатую тучу зла... Карканье, меж тем, все ближе и ближе, и некоторые птицы уже успели догнать меня, своими когтями цепляясь за волосы и царапая плечи. Кожа вмиг загорела, а капли пота только ухудшали состояние.

– Отцепитесь! – кричу я, прикрывая лицо локтями.

Впереди старое бревно, которое перекрывает узкую тропинку с засохшей грязью, внешне напоминавшую глину. Собрав все силы в кулак, я круто проскользнула под древесинной, пустив пыль птицам в глаза. Смоляная туча продолжает преследовать меня, а в их красных и жёлтых глазёнках я замечаю какой-то безумный блеск. Они будто ведут охоту, а я, получается, их жертва. Ну уж нет!.. Такое невозможно!

Одной вороне удаётся глубоко поцарапать мне руку, и от злости я рычу:

– Клипиум! – птица вмиг отлетает в сторону, врезается в дерево, а затем безжизненно падает в кусты черёмухи.

Заворачиваю влево, где предположительно должна располагаться открытая поляна со срубленными хвойными деревьями. Стая ворон уже кружатся прямо над моей головой подобно вихрю, уничтожающему все на своём пути, цепляясь за волосы, превратив мой аккуратный хвостик, как бы иронично не звучало, в воронье гнездо. Но тут мне улыбнулась удача – поляна прямо по курсу. Я делаю рывок и ускоряюсь, создавая небольшую дистанцию между мной и обезумевшими птицами, после чего с рывком отталкиваю от земли, делаю кувырок и приземляюсь на корточки всем телом к стае бешеных чёрных птиц. Те хотят налететь на меня, покалечить, но их ждёт огромное разочарование, поскольку я, затаив дыхание, вытягиваю руки перед собой и во весь голос кричу:

– Кориум вартос!

Волна ветра сбивает всех ворон, отчего они отлетают на пару сантиметров, интенсивно работая крыльями, а затем их тело поедает золотисто-красное пламя; и птицы перед моими выпученными от давления глазами с криком обращаются в пепел, который развеивается по ветру и, словно снег, сыпется на землю.

В ушах гудит и все ещё слышится карканье... Ничего не понимаю. Что только что произошло?.. Мои глаза тупо уставились на жёлтую траву под ногами, а в висках бешено сту-

чит кровь, не позволяя мне мыслить трезво. Сердце судорожно колотит, будто во мне двигатель самой быстрой машины в мире, и кто-то специально нажимает на газ. Черт возьми, то, что случилось – былъ?! Мне ведь не приснился кошмар?

Ни с того ни с сего стая огромных ворон налетела на меня и хотела прикончить... Тут я вспоминаю о своей руке, повернув к ней голову, и замечаю, как по ней течёт струя алой жидкости. Дерьмо! Царапина не такая уж большая, но довольно глубокая. Надо срочно её обработать. Приведя дыхание в обычное состояние, я встаю в полный рост, чуть не потеряв равновесие, и хватаюсь за голову. Волосы подверглись вандализму, а мое тело, можно сказать, террору. Впервые наблюдаю за тем, чтобы живность желала моей смерти. Ну, не считая оборотня. Сесилия никогда не зарекалась о таком явлении, даже во время моей, скажем так, стажировки ведьмы.

– Ох, моя голова... – застонала я, обернувшись всем телом за спину, чтобы убраться из этого ужаса и поскорее забыть об этой утренней пробежке, как о кошмаре.

Поляна с прахом «черной» стаи осталась позади, а я все ближе и ближе к аллее, ведущей к старой водонапорной башне. Если пойти так, то можно выйти прямо к городской больнице, где когда-то в детстве мне вырезали гланды. Вспомню – и тотчас мурашки по рукам и ногам пробегают.

Мои царапины зудят, кровоточат, доставляют диском-

форт в виде неприятных ощущений. Что за странные пташки, хуже Россомахи!

В Салли Хилл несколько месяцев было все спокойно, и я не допущу, чтобы мир и покой в городе нарушился. Больше никакого кровопролития!

Заслонив рукой ветки дерева, делаю шаг и оказываюсь прямо на аллее, полной листьев и запахов гари, будто кто-то недавно разводил здесь костёр. Деревья сбрасывают с себя «жёлтую шубу», отчего, если поднять голову, можно застать цветной снегопад, который вместо того, чтобы таять, просто высыхает и со временем обращается в ничто. Завораживающая картина...

Перед глазами все ещё страшные глаза-пуговицы воронов, угрожающее смотревших на меня. Их карканье раздаётся эхом, от которого незамедлительно на конечностях встают дыбом волосы. Б-р-р, ну и жуть! В этом обязательно нужно разобраться, ибо...

– Помогите... – вдруг слышу я изо спины.

Резко останавливаюсь и разворачиваюсь лицом к умоляющему голосу. Глаза мигом полезли на лоб. Я стою не в силах сделать и шагу, потому что все мои мышцы парализовало, а челюсть приоткрылась, не издавая звуков.

В нескольких метрах стоит полуживой парень, лет двадцати пяти. На нем белая майка, заляпанная кровью и грязью, разорванные джинсы и кеды. Кожа лица болезненная – бледно-жёлтая: видно, как ручьями течёт пот со лба, а губы со-

всем бледные, почти прозрачные. Темные отросшие завитки волос неаккуратно уложены, большие глаза, как видится, дёргаются, а острый кончик нос побагровел. Незнакомец дрожит, будто только вылез из холодильника и еле держится на ногах. Боже...

Пришелец вяло тянет ко мне руку, отчего я, испугавшись, делаю шаг назад, и тогда тот, обессиленный, падает на колени, держась конечностью за грудь.

– Помо... ги... мне, – отрывисто повторяется парень, склонив голову к земле.

В горле образовался комок. Я подозрительно оглядываю его с ног до головы, пытаюсь собрать пазлы в одно целое. Боюсь ли я его? Ничуть. Я боюсь другого, например, связано ли его появление с нападением на меня птиц? Этот город научил меня кое-чему: случайности здесь вовсе не случайны.

Делаю шаг навстречу, но тут же прерываю свой пыл, когда неизвестный поднимает на меня свои глаза – желто-зеленые, почти неоновые. Черт возьми... он не человек! Вмиг мои руки нацелились в его сторону, а сама я встаю в боевую стойку, сдвинув брови к переносице.

– Кто ты такой? – властно потребовала я представиться шатену.

– Помоги мне... – прохрипел он снова, оставив мой приказ без внимания.

Я решаюсь подойти ближе, при этом испепеляя существо взглядом.

– Повторяюсь: кто ты такой?!

Парень начал влажно кашлять, упав на локти. Он издаёт мерзкие звуки, словно его сейчас стошнит собственными внутренностями, и, судя по его внешнему виду, это вполне возможно. Ну и ну... Только сейчас замечаю огромную рану на его левом плече. Кажется, его кто-то ранил ножом или топором, но суть в том, что рана очень серьезная. Она даже загноилась...

Неизвестный, изгибаясь, выкашывает какую-то слизь из своего рта, привлекая моё внимание, которое сейчас ничуть не сконцентрированное на чём-либо. Сегодня я рассеяна.

Его рвёт и рвёт, безостановочно. Слизь желеобразная, грязно-желтого оттенка, слегка прозрачная. Сперва я подумала, что это мокрота, но нет... Это совсем далеко от мокроты. Наконец, незнакомец сплевывает остатки слизи и поднимает на меня своё страшно измученное лицо. По его подбородку стекает рвота, разбиваясь о землю, отчего я скорчила брезгливую гримасу и отвела взгляд. Что за ужас... Сглатываю слюну, слегка приоткрыв рот.

– Меня зовут... зовут... – и его вновь начинает трясти и рвать.

Он весь скрючивается и падает на левое плечо, не переставая блевать слизью. Не в силах больше стоять без дела, я подбегаю к нему и сажусь на корточки. Он весь перепачканный, от него несет рвотой и кровью, и от омерзения я резко спрятала свои руки. Мне честно хочется ему помочь, но что

я могу? Равновесие не позволяет вмешиваться в подобные вещи. Черт.

– Чем мне тебе помочь? – в панике спросила я, бегая глазами по его болезненному виду.

Он не может ответить мне, потому что задыхается собственной рвотой. Капилляры в глазах полопались, а от давления на его лбу и шее раздулись голубовато-синие вены, напоминавшие мне почему-то реки. В некоторых местах на коже видна шерсть. Черт, это реально шерсть. Он оборотень. Что же с ним такое приключилось? Я мигом вспоминаю свои приступы рвоты кровью, но здесь совсем другая ситуация. С оборотнями такое быть не может!

Тем временем, пока я летаю в раздумьях, незнакомец падает на спину и выплёвывает слизь, отчего я мгновенно отползла в сторону, чтобы не дай Бог эта гадость не добралась до меня. Фу! Он тяжело и судорожно дышит, сглатывая комок в горле. По нему видно, что кончина его близка.

– Меня зовут... Джонатан, я... – тут он замолчал, и мне подумалось, что его сейчас вновь затошнит, однако... – Я не могу... Жиз... Жизель Ког... – неожиданно он начинает плакать и скулить. – Убей меня. Пожалуйста, убей... меня. Я больше так не могу... не могу! Я устал! Не могу...

Шестерёнки в голове заели. Кто такая эта Жизель Ког? Что с этим парнем? Господи, сколько вопросов и как обычно ни одного ответа.

– Как мне тебе помочь? Я помогу, правда, – заверила я,

проникшись сочувствием.

Понятия не имею, что происходит, но Джонатан сильно страдает. Возможно, смерть для него – это лучший подарок.

– Просто убей меня. Этим ты мне очень поможешь... По-жа... луйста...

Прикусив нижнюю губу, я покорно прикрываю веки в знак согласия, не желая смотреть на происходящее. Наверное, так будет лучше и правильней. В животе отдало острой болью, однако я стерпела, сжимая холодные потные ладони. Прошептав под нос заклинание, я раскрываю кулак и хмурю брови, чувствуя потоки магии по всему телу. Зеленые линии проходят по моим конверсиям, освещая тьму, творя магию... Джонатан издал слабый стон, и в это мгновение я стиснула зубы, отгоняя неприятные мысли, а затем наступила тишина. И только шелест листьев нарушает это странное молчание.

Нехотя распахнув веки, я вижу перед собой труп измученного оборотня, который страдал необычной болезнью. Кто он? Как здесь очутился? Связана ли с ним стая ворон? О ком он говорил? Ни на что у меня не было ответов. Его глаза так и остались открыты, и в них навеки запечатались страдания. Успокаивая вой в груди, я слегка касаюсь ладонью до его темных бровей и медленно провожу руку вниз, прикрыв раз и навсегда волчьи глаза. Вокруг рвотной слизи и трупа Джонатана собрались мухи, а зловонный запах пробирается аж до костей. Время остановилось. До меня доносится

пление птиц и прочие шумы... Лес отныне хранит ещё одну тайну.

* * *

Громкий смех за стенкой не давал ему возможности погрузиться в сладкий сон. Эта попсовая музыка, звон тарелок, крики и гвалт... Господи, на дворе около двух часов ночи, а эти придурки и не думают расходиться. От безысходности, Билл ударяет кулаком о матрас и прячет свою голову под тяжёлую подушку, набитую гусиными перьями, надеясь, что теперь сможет наконец-то уснуть, ведь день был просто сумасшедшим! Ха, ничего подобного. Кажется, подобный шум и глухота не скроет. Он переворачивается на спину и выпускает протяженный стон, полный негодования и злости. Вот бы сейчас оказаться дома... В своей уютной комнате, с большой кроватью и тренажёрным залом. Повара наготовили бы целую кучу вкусностей, а по телеку показывали бы футбол. Марго рядом... Она, как обычно, вытянет во всю длину свои привлекательные ноги, скрестит их и начнёт поливать грязью любимый вид спорта Билла, называя футбол «жестоким игрой для парней с избытком ума, но не мышц», после чего бы брюнет принялся спорить с красноглазой и разгорелся бы пожар. Чтобы успокоить непоколебимую девушку, Хопёр схватил бы её за подбородок и грубовато поцеловал, приведя её в ступор. Да, именно так все бы и было... Прекрасные мечты брюнета вмиг рассеиваются по вине громкого визга

смеющейся девушки из соседней комнаты. Увы, Билл далеко от Салли Хилл, от своей красноглазой ведьмы, от дома и отца. Общежитие – самое отстойное место на земле, заключил он вердикт. Даже в Марианской впадине лучше, чем здесь.

– Как же они достали, – вздохнул сосед по комнате Хофера, который спит на верхнем этаже двухъярусной деревянной, вдобавок скрипучей кровати.

Трой, парень с белой гривой на голове, коричневыми очками (по возможности он носит линзы) и худощавым телосложением поворачивается на бок и сверлит взглядом стену с плакатами физических формул, а рядом плакаты с топ-моделями, за которыми и доносится нервирующая какофония.

– Серьезно, когда они захлопнутся? Ещё немного и я... – Билл прикусил язык, чуть было не сказав «превращусь в оборотня», – сойду с ума!

– Бро, подобное происходит здесь почти каждый день. Нам повезло, что эти гниды не такие, как Боб и Хьюго. Эти малые те ещё обдолбыши!

Дослушав замечание белобрисого соседа, что ничуть не похож на Генри (Генри, по словам Хофера, заменить никто не в силах), Билл театрально закатил глаза и прислушался к разговору за стенкой. «Надо взять на заметку и сказать отцу, чтобы он занялся этой дырой. Пожалели деньги на чертовы стены!», – разозлился оборотень, негромко фыркнув.

Кто-то предлагает посмотреть фильм, а другие требуют

танцев. Девушки. И что им на месте не сидится?

Только Хофер хотел встать с постели и наведаться к наглецам, как в эту секунду звенит его мобильный. Он вытягивается, тянет руку к тумбочке со всяким барахлом под названием «конспекты» и, прищурив от яркого света карие глаза, открыл сообщение. Пронзающий свет экрана охватил его лицо, которое на минуту сморщилось от резкой вспышки мобильного. Билл искренне удивился тому факту, что Марго написала смс в столь поздний час. Обычно она забрасывает его сообщениями либо ранним утром, когда та отправляется в «Старый гном», либо вечером, когда у брюнета заканчиваются лекции. Чаще всего она пишет что-то вроде «ты ещё жив?», «тебя уже исключили?», «что, уже успел насмотреться на симпатичных девчонок?». Такие комментарии смешат Хофера и он ещё больше начинает тосковать по Марго. Видно, сейчас она пишет неспроста...

Марго: Случилось кое-что странное. Не мог бы ты приехать на выходные в Салли Хилл?

В груди оборотня сразу дало жаром, а смех за стеной, наконец-то, перестал ему докучать. Все будто исчезло.

Билл: Что стряслось?

Узнав о приключениях ведьмы, ему пришлось долго ду-

мать перед тем, как принять важное решение. В голове мелькают слова «стая ворон», «раненый оборотень». Ясно одно единственное: чтобы это ни было, Марго нужна помощь. И Хофер не бросит свою спутницу в такое смутное время. Забавно! А когда время в Салли Хилл смутным не было? Отложив сотовый в сторону, брюнет укрылся одеялом и прикрыл веки, повернувшись лицом к стене. Кровь стучала по вискам, а трепет перед завтрашним днём нарушал покой Билла больше, чем шумные соседи, обожающие устраивать вечеринки в будние дни.

– Заткнулись всё-таки! Я думал, придётся отрезать себе уши, – обрадовался Трой, приняв удобное положение для сна.

И вправду. Стало тише, намного. Теперь каждый мог отдохнуть от тяжёлого продуктивного дня. Веки брюнета потяжелели, и постепенно он терялся в собственных мыслях, не переставая бубнить любимое имя из пяти букв. Билл Хофер засыпает...

Водоворот неприятностей

Ветер на улице не был ни горячим и не слишком холодным, не таким уж и слабым, но достаточно порывистым. Солнце достигло зенита, тем не менее, оно все равно не могло согреть нас в своей максимальной степени, поскольку множество кучевых облаков время от времени заслоняли светило своими фигурами. От этого на землю отбрасывались тени – становилось либо слишком темно, словно наступили сумерки, либо слишком контрастно, от того, что солнцу иногда удавалось выбраться из облачного плена. Думаю, это идеальная погода для прогулок по паркам. Салли Хилл блаженствует.

Прошло два дня со дня «Новые странности». Ерзя на одном месте, я всю ночь рылась в бабушкиных записях, в надежде найти что-нибудь интересное про нападение птиц или другой живности. Однако ничего. Здесь говорится о том, как с помощью животного увидеть недавние события, их анатомия, полезные факты, но ни одного намёка на нападения. Про странные болячки обратной вообще лучше молчать – кроме одичания ни о чём больше не говорится. Я пала духом, раздумывая плюнуть на тот необычный случай и продолжить жить тихо-мирно, себе на радость. По-моему, это весьма справедливо, ибо прошлый год, несомненно, был по-

лон смертей и битв, а мне нужен выходной или лучше отпуск. Посмертный.

Беру в руки мобильник и смотрю на последнее сообщение. Билл так и не ответил мне. Даже не знаю стоит ли его ждать или он окончательно решил забыть о Салли Хилл? Понимаю, однажды всем, даже мне (уже!), надоест рыться в грязном белье города, заглядывать в тёмные углы и пытаться превратить это место в обычный среднестатистический городок Америки. Но сейчас... Несмотря на свои убеждения и обещания перестать искать ответы, мои действия говорят сами за себя. Эх, прощай тихая жизнь... По правде говоря, рано опускать руки. Мы через столько прошли: смерть «дюжины», поиски оборотня, правда о Чакерах, ведьмины сказки, тайны основателей, существование вампиров... Что может быть хуже этого? На моих глазах погибали родные и близкие, а ужасней этого нет ничего.

На землю меня грубейшим способом, будто я упала с ветки дерева прямо на заострённый камень, возвращает дверной звонок. Я несколько раз моргаю, чтобы окончательно придти в себя и покидаю комнату, бегом направляясь к входной двери. Родителей, как всегда, дома нет. Порой мне не хватает их нежных объятий и простого лживого «все будет хорошо»; хотя, они особо и не разбрасывались подобными словечками...

В гостиной пахнет почему-то стиральным порошком и маслом; тишина, которая обычно убаюкивает, сейчас скорее

заставляет тревожиться, но я, назло не ясно кому, игнорирую это явление. Не посмотрев в глазок, в спешке открываю дверь и тут же улыбаюсь подобно сумасшедшим фанатам знаменитой группы при виде красавца солиста. Сердце поразил укол, от которого оно немедленно затрепетало, переворачиваясь с ног на голову прямо в груди. В глазах резвятся чертики.

– Билл! – радостно смеюсь я, мгновенно прижав его к себе, даже не позволив брюнету глотнуть воздуха.

Господи, неужели это не сон? Спустя недели две-три мы наконец-то снова вместе, как в старые добрые времена, когда загадки нас то ли сближали, то ли отталкивали. Пальцами касаюсь его чистых волос, шампунь которых отдавал мятой, его широких плечей, массивной спины, до сих пор не в силах поверить своим глазам. От него пахнет дорогим парфюмом, и пусть брюнет не одет в свой фирменный костюм с инициалами, но я до безумства рада окунуться в прошлое, где он всегда рядом со мной. Как, оказывается, легко стать с человеком одним целым. Это волшебно, но и опасно.

– Марго, я... не могу дышать, – прохрипел Хофер, мягко похлопав меня по спине.

Уловив намёк, я нехотя отпускаю его из своих крепких объятий, по-дурацки улыбаясь в тридцать зуба. Он несколько не изменился, только волосы отросли, и вновь появляется его челка, которую брюнет постоянно расчесывает набок. Только сейчас осознаю, что мы стоим в дверях уже где-то

три минуты.

– Боже, проходи внутрь! – смеюсь я над своей заторможенностью и делаю шаг в сторону, пропуская оборотня в гостиную.

Он закатывает глаза и быстро чмокает меня в губы, довольно ухмыляясь своей маленькой победе.

Честное скаутское, я сейчас превращусь в лужу от счастья. Ещё бы Генри упал с неба, тогда точно было бы все идеально. Однако стоит довольствоваться тем, что есть и говорить «спасибо».

Закрываю дверь и разворачиваюсь лицом к двухметровому парню, который за это время успел прыгнуть на диван и беспечно лечь, раскинув по-королевски руки в стороны. Его ноги свисают с мебели, и я подмечаю про себя, что он как обычно не разулся. Вот же!.. От такой картины мои уголки рта становятся шире. Любопытно, какой меня сейчас видит Билл? Иногда хочется посмотреть на себя чужими глазами.

– Черт, как же я скучал по этому дому, – прикрыв веки, протянул Билл, демонстративно вдыхая воздух, будто именно здешнего кислорода ему не хватало.

Интонация его была чиста, без фальши и ноток иронии. Искренняя. Видно, совсем замучился в университете, раз даже затосковал по моему дому!

Подхожу ближе и сажусь на пол, прямо у дивана. Сейчас мне хочется только любоваться им и болтать о чем угодно, лишь бы Хофер говорил. Его голос – доза наркотика для ме-

ня.

– По дому скучал, а по мне – нет? – усмехнулась я.

Брюнет приоткрыл сперва один глаз, затем второй, и его длинные ресницы, как подсолнухи, потянулись к небу.

– Ты вне очереди, детка. Я здесь только для тебя.

Держите меня семеро, пожалуйста. Он всегда так делает – играет словами, заставляя мои щёки пылать не хуже моих красных волос.

– А как же учеба? Что ты им наплёл?

Билл, кряхтя подобно пенсионеру, привстает и садится на ноги, смотря на меня сверху вниз. Отсюда он кажется таким недотягаем, однако одна мысль, что этот обворожительный парень, мечта всех девушек Салли Хилл, мой, я успокаиваюсь и в тоже время поражаюсь данному факту. Что же он нашел во мне? Гм, может, родственную душу?

– Взял больничный. Ты не знала? Я болен страшной болезнью!

Хитро щурюсь, стреляя своими глазками. Тот строит непоколебимое выражение лица, мол, правда. Вот же ребёнок...

– Воспалением хитрости?

Он смеётся над моими словами и отворачивает голову в сторону, соблазнительно прикусив нижнюю губу. Его острая линия подбородка... заставляет сглотнуть накопившуюся слюну. Не имею представления, что сейчас со мной происходит... Под рёбрами все трясется по вине беспокойного

сердца, по рукам и ногам пробегают мурашки, принуждая кожу превращаться в гусиную. Это так странно... В эту секунду мне больше всего на свете хочется прижать Билла к себе и соединить наши уста в поцелуе, запуская пальцы в его шелковистые мягкие пряди на голове. Я бы сделала это, только страх берет над желанием вверх, напоминая, что это непристойно. Хоть мы с Хофером встречаемся уже достаточное время, дальше поцелуев ничего не заходило. Это плохо или хорошо? В любом случае, я ни на чем не настаиваю, а просто плыву по течению.

Потонув в океане мыслей, я совсем не обратила внимание на наступившую тишину. Боже, Марго, очнись...

Пока я пыталась совладать с собой, оборотень обхватывает всю гостиную оценивающим взглядом, будто находится здесь впервые, а затем замирает, и его грудь медленно вздымается и опускается, избавляясь от воздуха.

– Генри связывался с тобой? – неожиданно спросил он с нотками тоски в голосе.

Так вот оно что... Хофер скучает по надоедливому лучшему другу, которого раньше терпеть не мог. Спорил с ним, угрожал, подшучивал, а сейчас... жить без него не может. Интересно, это нормально будет, если однажды я начну ревновать Билла к Ридлу? Тряхнув головой, я сдерживаю глупую улыбку и мигом выпрямляюсь.

– Нет, – покачав головой, суксилась я, – думаю, у него много дел в Бостоне, но скоро он вернётся. Генри всегда дер-

жит своё слово.

Последнее предложение я произнесла уверенно и со всей искренностью, и то ли это повлияло на Билла, то ли ещё что-нибудь, но оборотень озарился в слабой улыбке. Мое сердце сжалось.

– Надеюсь, так, иначе мне придётся свернуть ему шею. После смерти Скай, он стал той ещё угрюмой бабкой, будто ему яйца прострелили, – он сморщил нос, наверное, представил эту душераздирающую картинку, – окей. Что там насчёт последних событий? Есть новости?

Вмиг становлюсь серьёзней и прыгаю на диван, рядом с ним, толком не зная, что и сказать. Без бабушки очень сложно. Она могла бы меня направить, помочь или дать подсказку, но теперь её нет. Я одна. Последняя ведьма рода Мэнтл. Все зависит от меня... Сесилия могла бы заполнить дыру в моем теле, хотя бы одну из них, однако её больше рядом нет... Вдруг я вспоминаю слова Джонатана. Дерьмо, как я могла забыть об этом?! Так и хочется дать себе по лбу.

– Может, посетим городскую ратушу? Ты же – ключ ко всем дверям, мистер «Сын мэра»!

Пощечиной врезалась в меня ностальгия, скручивая конечности до нестерпимой боли, а к горлу подобрался рвотный позыв. История повторяется? Мне снова надо взяться за свои записи, хронологию, рюкзак и фотоаппарат? Билл криво улыбнулся, и я понимаю, что оборотень тоже вспомнил былые деньки.

– Угостишь меня черничным кексом и молочным коктейлем? А если серьёзно, зачем нам ратуша?

– Я забыла сказать, что оборотень назвал имя, только мне неизвестно о ком шла речь. Жизель Ког. Возможно, это связано со семьями-основателями? Опять. Не знаю.

Тайны и загадки связали мне руки и всячески издеваются надо мной, от этого я воспаляюсь точно стога сена в аномальную жару.

Билл со всей нежностью касается до меня своей ладонью и тихонько проводит большим пальцем по щеке. Это, естественно, меня убаюкивает, даря наслаждение и щекотку в животе.

– Мы справимся. Нам все по плечу, помнишь? А теперь, поднимайся. Пора разгадывать тайны!

Недовольно промычав, я откидываю голову в сторону, отчего мои длинные пряди свисают к паркету, и Билл, улыбаясь фирменной самодовольной улыбкой, толкает меня к выходу. Наш смех разносится по всему дому, нарушая тишину. Приключения ждут нашего вмешательства.

* * *

Все как прежде. У меня дежавю.

Хофер поднимает упавшую книгу и, несколько раз чертыхнувшись, возвращает рукопись на прежнее, пыльное место. Сквозь оконные рамы с набухшим непонятно от чего подоконником просачивается дневной свет, и видны пери-

стые облака, которые укрыли собой бледно-голубой небосвод точно одеяло, только воздушное. Если приглядеться повнимательней, то можно застать бледную, почти прозрачную луну, что так терпеливо ожидает своего триумфа. Ночь – её законное время, когда она может играть с нашим миром, глядеть и быть свидетелем множества историй, однако ждать до этого часа ещё очень долго.

Скрипучий пол под ногами свидетельствует о старости. По-моему, это здание ремонтировалось единожды – когда Томас Хофер впервые баллотировался на пост мэра. Высокие, доходящие аж до потолка со старинными люстрами, полки напичканы различными рукописями: толстыми и худыми, старыми, но очень важными, и книгами недавнего издания, не менее дорогие, чем первые. Переплёт у всех разный, однако на всех одинаково лежит пыль. Тут нереально грязно, словно понятие «уборка» для себя человек открыть ещё не успел.

На ветхом столе лежит целая башня из книг. Каждую из них мы тщательно изучаем, надеясь найти непонятно что. Правда, я не знаю с чего вообще взяла, что в городской ратуше Салли Хилл что-нибудь найдётся о некой Жизель Ког. По-моему, о таком человеке нигде не упоминается. Черт возьми, быть может, это его жена или дочка, сестра или подруга? Может, Джонатан пытался попросить меня найти её и передать «я тебя люблю»?

Громко отшвырнув от себя очередную рукопись без ма-

лейшей информации, я запустила свои руки в волосы и по-нурила голову. Нет, это бессмысленно. Мы глубокой, мать её, в заднице. Билл за спиной подходит ко мне и останавливается. Я слышу беспокойное дыхание и прямо-таки вижу выражение его лица: глаза наполнены состраданием, брови жалостливо нахмурены, уголок рта опущен к подбородку, а на лбу мелькают морщины. Ненавижу, когда так смотрят на меня, будто я больна раком и мне осталось жить неделю.

– Не пинай так книги, не то миссис Бирди услышит и съест тебя, – попытался пошутить Хофер, но попытка оказывается неудачной.

На самом деле, сейчас я не против быть съеденной, ибо все, словно злой рок, идёт против меня. Тяжело выдыхаю и поворачиваюсь к нему полукругом.

– Ничего нет. Может, я ошиблась?

Брюнет пожал широкими плечами и бросил мимолётный взгляд на стопку книг за моей спиной.

– Мы торчим здесь уже битый час, Марго. Я думаю, что... – брюнет осекся, запретив себе договаривать, но мне было и так все ясно. Спустя секунду, он продолжил, – что, если мы ищем не там? Где ты видела этого парня?

Реплика Билла заставила меня задуматься. Я хмурю брови и бегаю глазами по всей ратуше, чувствуя агонию в груди. Резко раскрываю рот и бросаю взгляд на Хофера. Он подал хорошую мысль, и мы, не мешкая, покинули здание.

Из-за того, что два дня в Салли Хилл шёл проливной дождь с грозой, лес превратился в одну серую мутную массу. Эти дни были мерзкими! Вспышки молний разгоняли тьму в моей комнате, заставляя врасплох всех тварей в полумраке. Гром был таким оглушительным и глухим, словно великаны на облаках забавы ради катили бочки с порохом, которые непременно взрывались и оглушали нас, смертных, да и бессмертных, наверное бы, тоже, что хотелось лишиться слуха. После ливня кое-где образовались болота, поэтому под кедрами неприятно хлюпает мутная вода, а подошва полностью заляпана грязью. Подобное произошло и с дорогой обувью Билла, но ему глубоко плевать. Ну конечно, у него же целая гора обуви – бери не хочу.

Дождь прекратился лишь сегодня утром, а жители Салли Хилл переживали, что настал всемирный потоп.

Лес окутан густым туманом, напоминающий мне едкий дым от импортных сигар. Здесь очень тихо, но при этом слышится журчание ручья и щебетания некоторых птиц. Бывает, раз в некоторое время, шелестят листья деревьев, точно пытаются поговорить с нами, предупредить о беде...

Мы с Биллом уже достаточно долгое время стоим на одном месте подобно статуе и смотрим вперёд, перед собой. Не знаю, что чувствую. Шея горит, будто меня душит шекспировский Гамлет, а на душе тяжёлый камень, свисающий к земле. Что за чертовщина? Перед нами лежит бездыханный молодой олень. Полагаю, это несчастное животное уби-

то недавно, возможно, даже сегодня утром или ночью. Его веки прикрыты, морда, наоборот, слегка раскрыта, точно тот пытался звать на помощь, а чёрный нос в крови. Его определенно прикончил не хищник, ибо хищники не оставляют свою добычу посреди леса почти нетронутой. Здесь случилось что-то другое... Билл брезгливо пялится на оленя, но его интерес всё-таки не остаётся без внимания. Делаю уверенный шаг. Я наклоняюсь к трупку ближе, сначала разогнав мух-падальщиков, затем положив руки на колени, щуря глаза, детально изучая распотрошенный живот и внутренности. Надо же! Кишки целы. Их будто специально выпустили наружу для придачи эффектности и впечатления мерзости. Над оленем уже всюду кружатся насекомые, жужжание которых сводит с ума.

Я собственными глазами наблюдаю за тем, как насекомые приземляются на внутренности, кровь убитого оленя, барахтаясь в куче себе же подобных, и наслаждаются пиром, при этом их зеленоватая головка блестит на свету. Да, какое неприятное зрелище... Выпрямляю плечи и оглядываюсь по сторонам. Гробовая тишина: ни живности и уж тем более людей. Затишье перед бурей? Помните и не забывайте, что тишина – предвестник бед. Обращайте на тишину внимание и тогда, возможно, вы что-нибудь услышите.

– Что за херня? – откашлялся Билл.

Удивление в его голосе я максимально поддерживала. Мне и самой интересно. Кто же мог сделать такое с этой

крошкой?

– Без понятия. Похоже на оборотней? – обернувшись к брютету всем телом, спрашиваю я.

Он бросил в последний раз взгляд на мертвого оленя и поравнялся со мной. Под нашей обувью хлюпает вода, где-то неподалёку слышится стрекотание кузнечиков – эти звуки говорят о том, что мы сейчас в чужом мире. Мире, где люди имеют второстепенную роль.

Мы, смотря под ноги, чтобы не угодить в лужу или грязь, бредём куда глаза глядят и разговариваем. На месте встречи с Джонатаном найти ничего не удалось. А его тело я смело предала огню, так что и здесь тупик. На руках ничего нет.

– Нет. Обратни едят то, что убивают. Здесь же совсем наоборот. Ему выпустили кишки – и все, прелюдия закончилась.

Я, соглашаясь с каждым словом, кивнула.

Шаг за шагом, и мы вышли к... Не верю! Угадайте, на что я сейчас смотрю? Не думала, что ноги приведут нас именно к этому месту. Такое ощущение, будто конечности управляли нами, диктовали, куда идти. Какой парадокс. Спустя год это место стало ещё более безобразным, чем было когда-то. Плющ поглотил почти все глыбы, а те, что не успел поглотить, практически ушли под землю.

Стены осели, скривились; кажется, дунешь, и они, словно домино, поочередно свалятся. От церкви Святой Елены осталось только одно название и груда блоков. Даже не ве-

рится, что под всем этим мусором расположено подземелье.

Билл громко выругался и ухмыльнулся над всей ситуацией. Здесь даже аура мерзкая – от этого места хочется держаться подальше: веет холодом, злом и смертью... Поднимаю ногу и иду неуверенно вперёд, Хофер поступает также. Нам хочется рассмотреть это место, вспомнить все то, через что мы прошли. Сколько ужасных событий таит в себе Святая Елена, сколько боли и потерь... Приближаюсь совсем близко к камням и осматриваюсь вокруг. Да уж, зловонный запах мочи даже всемирному потопу не смыть.

– Воняет здесь все также, – замечает со смешком Билл, зажав ноздри пальцами.

– Передай Томасу, что реставрировать больше нечего. Это место загублено.

Хофер хочет мне ответить, однако его инициативу прерывают шаги за нашими спинами.

Отрывистое дыхание. Сердце забилось чаще, затем вдруг медленно и снова быстро... За нами что-то огромное и злое... Чувствую, как магия проносится по моему телу. Это знак, что сзади – враг.

Билл краешком глаза посматривает на меня и ждёт одобрения, чтобы напасть. Рано, сперва стоит изучить недруга. Мы одновременно разворачиваемся лицом к незваному гостю и застываем на месте, увидев перед собой двухметрового белоснежного оборотня с кроваво-красными глазами, острыми ушами и длинной вытянутой мордой с чёрным влаж-

ным носом. Выглядит... устрашающе, тем не менее, Билл гораздо больше этого засранца и кажется свирепее.

Лицо брюнета вытянулось от удивления. Он привык только к одному оборотню в Салли Хилл – к себе, потому в его же интересах избавиться от белошёрстого существа. Воздух вокруг нас точно свистит и трескается. Чувства кипят... Оборотень оглядывает нас с парнем с головы до ног и издаёт недружелюбное рычание. Окей, значит, по-хорошему поговорить не получится. Я громко произношу заклинание и сбиваю монстра с ног, отчего тот с грохотом падает на спину, прямо в грязь.

– Трехочковый, – похвалил меня Билл, положив руки на торс.

Я гордо подбрасываю брови и чуть выступаю вперёд.

– Чужакам здесь не рады, – кричу я оборотню, массирую кисть правой руки.

Оборотень, возмущённый моей выходкой, запрыгивает на задние лапы и выпрямляется, злобно фыркнув через нос. Белоснежная шерсть стала коричневой.

– Хочешь, я займусь им? – любезно предложил Хофер.

Происходящее приносит ему удовольствие, это любой поймёт. Я отмахиваюсь, говоря, что он должен беречь силы напоследок. Тем временем, монстр наострил уши и выпустил злой оскал, давая понять, что он готов бороться. Что ж, да и я сама не против; как раз выпущу пар, поскольку дни были очень нелегкими. И вдруг...

Враг с рычанием отрывается от земли и прыгает в мою сторону, а точнее на меня. Такая тактика немного ошарашивает, ведь обычно оборотни всегда бегут на свою жертву, как быки на красную тряпку. А здесь сюрприз на сюрпризе. Застигнутая врасплох, я успеваю только открыть рот для произношения заклинания, как в это самое мгновение из ниоткуда на белоснежного оборотня бросается Билл, который с рычанием успел обратиться в свирепого сумеречного существа (чем чаще обращаешься, тем быстрее привыкаешь к боли и не замечаешь её). Он повалил врага на землю и сумел лечь поверх него, грозно рыча подобно дикой кошке ему в глаза. Два оборотня вцепились в схватке. Весь лес, полагаю, слышит эти страшные звуки. Огромные когти разрезают воздух, стараясь вонзиться в горячее тело, выпуская кровь, пропитанную магией. Хоферу удаётся вцепиться острыми зубами в массивную лапу белоснежного волка, отчего меня поражает громкий крик существа. Наблюдать за этим неприятно, будто две дворовые собаки дерутся за территорию. В каком-то смысле, в происходящем есть что-то похожее. Оборотень царапает грудь Билла и швыряет его в сторону, но тот немедленно поднимается, даже не пискнув. Вот это я понимаю... Ладно, шоу подходит к концу. Я прикрываю веки и выставляю руки вперёд, шёпотом произнося нужные слова. В эту секунду белый оборотень падает на свои лапы и жалостливо скулит, поджав заострённые уши. Монстр извивается на земле, издавая вой и рычание, поскольку каждая ко-

нечность его с ним хрустом ломается. Хофер, заметив мое вмешательство, подходит ко мне и обращается в человека. Забавно, от него все так же пахнет молоком. Уверенными шагами приближаюсь к белому волку, который сейчас скрутился на земле, словно улитка, пытающаяся спрятаться в домик, и продолжаю взглядом доставлять оборотню адские мучения. Вот и пришёл его конец... Размахиваюсь рукой, чтобы магией снести чудищу голову, как меня отвлекает шум аплодисментов за спиной. Застываю на месте, тяжело дыша. В висках застучала кровь. Что за черт?

Билл немедленно оборачивается на шум и зло хмурится.

– Bravo! Вот это зрелище, – продолжает восторгаться кто-то сзади.

Не спуская глаз с монстра, нехотя оборачиваюсь на мужской голос за спиной и замечаю темную фигуру. На одной из глыб церкви сидит по-хозяйски какой-то парень с чёрными волосами, мутными глазами, хищной улыбкой и кожей бледной, как январский снег, но с заметным румянцем. На нем обычная кожаная куртка и тёмные джинсы. Незнакомец изучает нас с Хофером заинтересованным взглядом, а затем, догадавшись, что ему удалось произвести на нас впечатление, расплывается в хитрой улыбке.

– А ты ещё кто такой? – выплюнул Билл, сжав ладони в кулаки.

Парень хотел было покинуть холодный сырой камень, как мой резкий жест его останавливает.

– Не советую делать то, о чем можно пожалеть. Без шуток! – предупредила я, посмотрев на него своим фирменным взглядом «Мисс Серьезность 2019».

Парень наклонил голову набок и медленно приподнял руки, мол сдаётся.

Покосившись в сторону обездвиженного оборотня за нашими с Биллом спинами, у которого конечности хрустят подобно снегу под ногами, я снова обращаю внимание на человека в чёрном.

– Кто ты такой? – сквозь стиснутые зубы, процедила я, угрожая рукой, словно дулом.

– Я, а точнее мы, – кивнул незнакомец в сторону оборотня, – твой спасательный круг.

Билл фыркает на ответ темноволосого, который в свою очередь посмотрел на брюнета, точно он грязь под ногтями. Самоуверенный тип.

– Зубы нам здесь не заговаривай. Мы не клюнем на это.

Слова Хофера остались без внимания. Незнакомец с шумом выдохнул и, несмотря на мои угрозы, покинул глыбину, а затем спрыгнул на влажную землю. В шоке от его наглости и бесстрашия, я лишь выгнула бровь. Что за?..

– Что тебе нужно в Салли Хилл? – рыкнула я, заставив страдать волка на земле ещё больше, чтобы этот тип понял с кем связался.

– Сперва отпустите мою подругу. Так дела не делаются, – зацыкал он.

От удивления наши с Биллом рты мгновенно распахнулись.

– П-подругу? – бросив взор на рычащего волка, оцепенел брюнет.

Господи, удар под вздох! Секунда – и заклинание пало. Тепло на кончиках моих пальцев исчезло, магия ушла обратно в спячку, дожидаясь своего часа.

Оборотень смог облегченно выдохнуть и расслабиться. Значит, волк – это девочка? Ничего себе. Для меня, привыкшей к оборотням-парням, это что-то новенькое. А Билл совсем побледнел: он не ожидал такого поворота событий. Драться с оборотнем женского пола – благородно? Хофер глубоко вздохнул, изучая белоснежного существа зачарованным взглядом.

– Так-то лучше, – одобрительно кивнул незнакомец.

Волчица поднялась на задние лапы, слегка качнувшись, прошла мимо нас с брюнетом в сторону своего друга, одарив мой профиль испепеляющим взглядом «я тебя убью», а сына мэра она в упор не замечала.

Кажется, это ненависть с первого взгляда. Её недавно белая шерсть теперь заляпана грязью, травой и собственной кровью, но девушке хоть бы хны.

– Теперь тебе стоит ответить. И лапшу на уши вешать я не советую, – пригрозил Билл, заметно понизив голос на более властный и холодный.

Незнакомец хмыльнулся над высказыванием Хофера и

перевёл хищный взгляд на мою персону. В голове каша. Просто хочется поставить все на паузу и убежать.

– Нам нужна ты, Марго из рода Мэнтл, – отвечает парень, одним предложением обескуражив нас с брюнетом, – откуда мы тебя знаем? Ты – отныне личность известная за границей Салли Хилл.

В голове гул ветра. Ничего не понимаю. Замечаю как меняется выражение лица Билла. Ещё секунда – и конец черноволосому выскочке. Боже... Как обо мне узнали и что это вообще все значит? Сбитая с толку, я делаю шаг в сторону и замираю, осматривая свою грязную обувь.

В сию минуту Билл резко приближается к парню и хватается его за куртку, отчего тот сгибается перед ним. Застав эту картину, волчица хочет защитить друга, но Хофер сверкает глазами и приказывает ей не двигаться. На всеобщее удивление, она застывает на одном месте.

– Откуда ты узнал про неё, а?! Кто тебе сказал?! Кто ты?! – рывкает брюнет, толкая неизвестного.

По-моему, мои ноги стали ватными. Я ничего не чувствую. Или чувствую все. Не знаю!

– Мы вам не враги, – устоял невинным взглядом наглец, – напротив, мы здесь, чтобы помочь.

Ха! Что за сказки? Не верю не единому слову.

– Чушь какая-то! Мне не нужна ваша помощь. У меня все хорошо, – очнувшись, настаиваю я, и Билл вновь толкает темноволосого.

В воздухе повисло напряжение.

Неожиданно оборотень, скорчившись от боли, с неприятным хрустом костей, обратился в человека. Все застыли.

Это была девушка примерно моего возраста, возможно, даже старше. У неё короткая стрижка почти под мальчика, темные волосы, немного смуглая кожа и большие шоколадные глаза. Её кожа блестит от пота, она липкая, а одежда рваная, заляпанная кровью из раны, которую нанёс Билл. Девушка, тяжело дыша, гордо поднимает голову и сверлит сначала меня, после Хофера взглядом, сотканным из ненависти.

– Я согласна с тобой. Тебе не нужна помощь. Поэтому, Балдуин, пойдём отсюда, – голос волчицы чистый, низкий и ледяной.

Такое ощущение, будто я коснулась льда. Насколько тон её недобрый.

Она напоминает мне дикарку из джунглей, этакую амазонку. Возможно, оттуда она, собственно, и пришла.

– Хватит. Мы никуда отсюда не уйдём, пока не поможем Марго спасти нас всех, – отозвался тот, которого зовут Балдуин и резко вырвал свою куртку из хватки Билла.

Брюнет окинул предупреждающим взглядом гостя и скривил губы в недовольной ухмылке. О чем, черт подери, говорит этот парень? Выдыхаю, заправив прядь волос за ухо. Туман вокруг стал гуще, а воздух холоднее: он пробирает до мурашек.

– Позволь мне все объяснить тебе, Марго. Меня зовут

Балдуин Блэк, а эту волчицу, которую ты и твой друг чуть ли не убили, зовут Тереза Мун. Мы здесь только ради тебя.

В последнее время я часто слышу подобное. Хофер, поправив рукава кофты, громко хмыкает и складывает руки на груди.

– По-моему, вы заигрались. Проваливайтесь отсюда, пока силком не потащили! – угрожает он.

– Рискни, если посмеешь. Я надеру тебе зад и оторву твоёй стерве все волосы, – уверенно отвечает ему Тереза, и глазом не моргнув.

Ого. Ну и характер. От неё веет злостью и силой. Аура войны.

– Я не понимаю, – растерялась я, пытаюсь вникнуть в суть происходящего.

– Она ещё и тугодумка, – вынесла вердикт волчица, закатив глаза.

Девушка испепеляет нас с брюнетом яростными глазами, а затем, скривив рот, направляется к обваленной церкви, опираясь спиной на ближайший камень.

Пропускаю это наблюдение мимо ушей.

– Несколько дней назад нас с нашим другом Джонатаном постигла страшная участь повстречать самых кровожадных людей на всём земном шаре. Нам удалось оторваться, но Джонатан был ранен, и мы разделились. Он начал бредить про какую-то всемогущую ведьму, которая сотрёт с лица земли кровожадных ублюдков и спасёт всю сумеречную

рассу, – я вспоминаю рвоту слизью и те измождённые глаза. Мне становится дурно, и кажется, я начинаю ему верить. – Ужасно то, что и Они услышали его пророчество, и теперь ищут тебя. Они перебьют всех, сровняют все на своём пути, но обязательно отыщут тебя, чтобы убить и высосать всю силу. Мы не можем этого избежать, но мы можем быть к этому готовы.

О Боже! Судя по голосу Балдуина, это все очень серьёзно... Меня хотят убить. Опять. Сперва ведьма, затем семейка вампиров, а теперь? Гоблины? Драконы? Когда этому придёт конец?

Теперь фраза Джонатана приобрела ещё один смысл: «Помоги мне». Он имел ввиду спасти сумеречных существ. Но разве я могу? Во мне сокрыто столько магии? Сесилия не раз говорила, что я – могущественная ведьма рода Мэнтл. Неужели, настолько? А это имя... Жизель Ког. Кто она? В один момент все под ногами испарилось. Я хватаюсь за голову и пытаюсь усвоить полученную информацию, но, черт возьми, как это сложно! «Они»... О ком идёт речь? Черт бы меня побрал!

– О ком ты, твою мать, говоришь? – вспыхнул Билл.

Тишина. Даже лес погрузился в молчание. Только одно слово. Только один ответ:

– Охотники, – бесстрастно ответил Балдуин.

В это мгновение моё сердце остановилось. Мы с Биллом растеряно переглянулись, напрочь не замечая ядовитую ух-

мылку Балдуина Блэка. Из облаков показалось солнце, и лучи его упали на землю, осветив развалины Святой Елены.

Зазеркалье

В последнее время я часто задумываюсь о смерти. Мне кажется, что мы с Ней давно знакомы, словно сражались плечом к плечу в одной битве. Хотя, отчасти, так оно и есть. На протяжении всего года меня то и дело преследовала смерть: она глумилась надо мной, забирала в своё тёмное царство дорогих и любимых мне людей, ни раз пыталась и меня защитить в свои холодные объятия. Но я выживала. Смерти не удаётся заполучить мою душу, вот она и злится, кусая губы до крови.

Однако кое-что меня не по-детски тревожит, будто в моем сердце черви отстраивают целый мегаполис: что, если мне больше не удастся сбежать от её костлявых рук? Что будет тогда? Меня заточат в сырую темницу, где гнить придётся целую вечность без какого-либо шанса взглянуть на солнце? Но знаете... Это вовсе не страх, это инстинкт. Когда чувствуешь опасность, ты начинаешь приспосабливаться и адаптироваться, делаешь все возможное, чтобы сохранить свою жизнь. Естественный отбор – штука жестокая – выживают сильнейшие.

В сумеречном мире тоже самое – здесь, на вершине, скажем так, «пищевой» цепи тот, у кого больше сил. Вампиры одарены физической силой, бессмертием и обострёнными

ми чувствами.оборотни почти такие, как и вампиры: сила плюс прекрасное обоняние, осязание, зрение и слух. Ведьмы и колдуны же наделены магией, которая способна материализовать любые (не всегда) желания. Звучит замечательно, не так ли? Однако всегда есть одно «но». Все эти существа прокляты: вампиры заклятые враги солнца, оборотни рабы луны и ведьм, а сами маги вынуждены жертвовать чем-то важным, ибо за магию всегда нужно платить. И ещё... Пока ты думаешь о смерти, мимо тебя проходит жизнь. Поэтому мысли я стараюсь оставлять без внимания, концентрируюсь на своей задаче.

К счастью, на следующий день хмурые и давящие тучи покинули наш город, и теперь на небе висит яркое солнце, от которого у многих разболелась голова.

Ночь, увы, была бессонной. Сколько всего нового я узнала за пару дней. Охотники... Почему Сесилия никогда не говорила о них? Возможно, бабушка и сама не знала о существовании таких людей? Когда-нибудь я узнаю правду.

Поправляю набитый вещами для новых жителей города рюкзак и нажимаю на белую кнопку рядом с микрофоном. Передо мной возвышаются коричневые раздвижные ворота. Над головой, к сожалению, не так, как было прошлой осенью: гроздья винограда заметно бедны, но душистый запах все равно витает по воздуху, щекоча кончик носа.

Я спокойно ожидаю голос охранника в микрофоне и заодно рассматриваю жёлтые листья под ногами, которые, Гос-

поди, приятно хрустят под подошвой и рассыпаются на мелкие кусочки. Отчего-то это действие напоминает мне о минувших днях: девочка в чёрной одежде, с клипсой на ушах снова и снова топает ногой, размельчая обувью палочку «Читос» со вкусом сыра. Да, та девочка, как вы уже успели догадаться, это я – Марго Ван де Шмидт, увлекавшаяся готикой и дружившая с полными придирками. Иногда, вспоминая прошлое, хочется закричать от стыда.

– Здравствуйте, Марго, – раздался вдруг голос, и я ахнула от неожиданности, взявшись за грудь, по которой прошлась ледяная волна.

Сердце судорожно трясётся в лихорадке, а тело резко немеет. Фух, чуть коньки не отбросила!

– Привет. Можете сообщить Биллу о моем приходе? Пусть пошевеливается, я его жду здесь, – приблизилась к камере я, помахав рукой.

Все уже давно привыкли ко мне и общаются, как с близким другом: и охрана, и Адель, повара с прислугой, шофёр и садовник. Мне нравится такое отношение, потому что эти люди, находясь в доме мэра, могут пристально следить за Хофером по одной только моей просьбе. Если он вдруг плохо себя ведёт, Адель или служаки немедленно доносят до меня его промахи, и тогда нас с брюнетом ждёт непростой разговор. В результате, он называет меня «гребаной шантажисткой», потом громко фыркает и молчит, надувая щеки.

Охранник отключает микрофон, и мне остаётся только

ждать появления оборотня. Смотрю на пустое шоссе. Какое же всё-таки замечательное здесь место – тишина и покой, благодать одним словом. Цветы в клумбах и аккуратно подстриженные кусты лишь украшают этот превосходный пейзаж. Сразу видно, работал мастер. Ромашки, дикие розы и орхидеи цветут и пахнут, дополняя собой сложившуюся панораму.

Вдруг за спиной открываются ворота, вслед за тем на улице выезжает чёрный автомобиль с флагом и гербом нашего штата. Я мигом отступаю в сторону, ближе к клумбам, чтобы не загоразивать проезд, параллельно неловко опуская взгляд в пол. Черт, это же машина Томаса Хофера. При виде него всегда ощущаю смущение, а словарный запас сокращается в разы. И пусть мы вместе ужинали за одним столом, болтали, пусть я бываю у него дома, но... Эта неловкость меня никогда не оставит.

Иномарка проезжает мимо, отчего я уже хочу спокойно вздохнуть, как, черт возьми, она останавливается, и прямо напротив меня, медленно, будто специально, опускается затонированное заднее стекло. Боже! Передо мной лицо Томаса Хофера в деловом костюме с синим галстуком в полоску и солнечными очками. Его глаза, которыми он смотрит на меня поверх очков, излучают тепло и дружелюбие, губы слегка улыбаются, впрочем, как и весь он сам. Тут и думать не надо: он хочет поболтать со мной, потому, не мешкая, подаюсь вперёд, этим самым показывая свою заинтересованность в

диалоге.

– Хей, Марго, давно я тебя у нас не видел, – снял он свои тёмные очки.

Как же они с Биллом всё-таки похожи. Кажется, в старости, брюнет будет точь-в-точь вылитый Томас. У них даже разрез глаз одинаковый, не говоря уже о привычках и общих чертах характера. Про костюм с инициалами зарекаться, думаю, нет смысла...

– Здравствуйте, сэр, – мило улыбнулась я, – с моего последнего визита здесь, по-моему, ничего не изменилось.

Мы с мэром одновременно принялись разглядывать деревья, кусты, забор и клумбы, точно проверяя праведность моих слов.

Мужчина, еле заметно кивая головой в знак солидарности, ухмыляется краешком рта.

– Меняется здесь только одно единственное – капризы моего сына. Ты, полагаю, уже слышала? Билл, якобы, соскучился по дому и решил ненадолго вернуться, занимаясь на дистанционном обучении.

Томас легонько покачал головой и шумно выдохнул, будто вот-вот его черепная коробка откроется, и мозги вылетят наружу подобно гейзеру. Представив этакое шоу, я скривила губы и сморщила нос.

– Думаю, мы ему быстро наскучим, – усмехнулась я, стараясь утешить мэра.

Ему и без того тяжело приходится – управлять городом,

это вам не в видеоигры играть. Тем более, Томасу пришлось несладко: он некоторое время был пешкой в игре Николааса, благо Хоферы крепкие орешки – они так просто не сдаются.

Мужчина взял в руки солнцезащитные очки и искренне посмеялся.

– Пока ты существуешь – это невозможно! – подмигнул он. – Ещё увидимся. Присматривай за ним, а то он расслабился в последнее время.

Я твёрдо кивнула, после чего окно «Мерседеса» поднимается, и теперь я смотрю на своё кривое отражение. Машина отталкивается с места и выезжает на пустое шоссе, повернув налево, в сторону города. На этом беседа с мэром завершилась, а я смогла наконец-то вздохнуть полной грудью.

Спустя время, к счастью, появляется его величество. Боже, брюнета только за собственной погибелью посылать. Если бы я так сильно не любила его, то превратила бы в наручные часы, чтобы он, если додумается, вынес хоть какой-то урок. Хофер, одетый в чёрную кофту, брюки и мокасины из крокодиловой кожи, направляется в мою сторону, виртуозно напевая под нос легкую мелодию. Его полноватые губы растягиваются в широкой улыбке, глаза загораются, а руки тянутся вперёд, желая поскорее потонуть в объятиях. Но только он подходит ко мне, я отталкиваю его ладони прочь, как самую гадкую вещь на этой планете и строю недовольную гримасу.

– Не заслужил, – бросила я, сложив руки на груди.

Билл замер на месте с вытянутыми руками и нахмурил густые ровные брови, соображая, где успел напортачить. Думай, милый, думай. Иногда это полезно.

Вдруг подул тёплый ветер, взъерошивая наши с парнем пряди волос и разгоняя пыль по асфальту, в последствии чего тот прищурил глаза. Листья под ногами, кусты и цветы игриво заколыхали.

– Эй! Почему? – фыркнул он в недоумении.

Коричневые ворота вновь открываются, и на дорожку выезжает серебристый «Хаммер», который блестит на солнечном свету, ослепляя мои глаза.

От тачки Билла так и несёт пафосом. Я, поправив волосы за уши, приветствую шофёра Хоферов, что покинул салон автомобиля и направился в сторону пентхауса, а затем оглядела лицо невозмутимого брюнета.

– Сколько можно было тебя ждать? Ты хоть понимаешь, что собираешься дольше самовлюблённых девчонок из Манхэттена?

Мы не спеша проходим к «Хаммеру» и запрыгиваем на кожаные сидения. В салоне пахнет ментолом, все свежо и чисто. Боже, по правде говоря, я соскучилась по этой машине, ведь ходить пешком в «Старый гном» каждый день – просто невыносимо!

– Марго, возьми свои слова назад, – повернулся брюнет ко мне, но я лишь иронично фыркнула, посчитав просьбу неуместной, – ладно, – пожал плечами Билл и достал из кар-

мана брюк сложенный пожелтевший листок бумаги.

Это ещё что? Неуверенно беру его в руки, с осторожностью раскрывая и в это же время игнорируя довольный взгляд Хофера.

Перед носом отрывок рукописи с различными именами и фамилиями на букву «К». Конечно, я пытаюсь понять содержание данного листа, однако...

– Что это? – резко поворачиваю голову к оборотню, озадачено нахмутив брови.

Уголок его рта значительно приподнялся.

– Пока ты меня ждала, я рылся в кабинете отца и нашёл книгу переселенцев Салли Хилл, начиная с эпохи просвещения. Возможно, хоть здесь упоминается имя Жизель Ког, что мало вероятно, ведь в книге половина страниц отсутствует.

Разумеется, как же иначе. Секреты на то и секреты – они не любят, когда люди суют свои любопытные носы в чужие дела.

Тяжело вздохнув, прячу рукопись и застегиваю ремень безопасности, продумывая наши дальнейшие шаги. Сейчас как никогда нам необходима помощь «бостонского парня», поскольку именно Генри хорошо удавалось находить подсказки или факты в самые тяжелые времена, когда казалось, что мы на дне. Вспомним его дело с фифочкой школы – Лидией Голд. Даже к ней Ридл нашёл подход, о котором и сейчас никто не знает – этот секрет ушёл в могилу раньше нас. Интересно, что он дал ей в обмен на информацию? Может,

себя?... О Боже, нет, чушь полнейшая.

Билл переключает скорость «Хаммера» и давит на педаль газа, отчего мы оба ощутили небольшой толчок, прижавшись спинами к сидениям.

Пентхаус скрылся за поворотом, а нас ждут очередные проблемы и встреча с таинственным миром, который обязан поделиться очередной правдой, сотканной из лжи.

* * *

Не думала, что вновь окажусь в этом месте. За одну неделю столько головокружительных событий!

С шумом открыв массивную дверь заклинанием, мы с Биллом эффектно входим ровным шагом в поместье Крамеров, с необъяснимыми чувствами оглядывая каждую щель. Не верю глазам своим... Тот же мраморный пол, те же богатые величественные греческие колонны, стены с дорогим покрытием, только уже без картин. Куда они делись, никто понятия не имеет. Даю голову на отсечение, местные хулиганы продали их за гроши. А кому нужны подделки? Мраморная лестница с вызовом уставилась на меня, и сейчас точно Феникс Олсон спустится со второго этажа и начнёт запугивать, говоря, что убьёт всех моих родных и близких. Гигантская хрустальная люстра над головой покрыта пылью и паутиной, но все ещё работает. Да уж, сколько воспоминаний... Пепед глазами всплывают моменты минувших дней: роскошь, танцы, смех, драка, убийство, крик...

По дороге в это темное место Хофер решил прикупить вкусностей в «Мокко», ибо он «жутко соскучился по нормальной еде». Бедняжка... По его словам, так Университет Салли Хилл – настоящая камера пыток. Билл крепко держит два пакета с «Мокко», дразня содержимым мой урчащий желудок, и по всему дому теперь витает аромат свежих булочек с кунжутом, говяжьей котлеты, луковых колец и картошкой фри. Что ж, прощай здоровый образ жизни, ты мне никогда не нравился.

Оглядываюсь по сторонам, ожидая появления новоиспеченных товарищей (если, конечно, можно их так называть), но те, видимо, не торопятся предстать перед нами, а в это время Хофер пристально разглядывает меня с головы до ног. Я замечаю чертиков в его карих глазах, и понимаю, что, черт побери, мне нравится этот взгляд. Дело в моей одежде: тело облегает чёрный топ с пентаграммой (надеюсь, это не грех?), низ – клетчатая юбка, на ногах обычные кеды. Знаю, выгляжу дерзко, и это классно. Помню, как на меня все пялились несколько лет тому назад, когда я только постриглась и перекрасила волосы в красный цвет. У всех пооткрывалась челюсть: кто-то смотрел с восхищением, другие же с осуждением, например, Урия Хофман. Она смеялась надо мной, обзывая больной наркоманкой и часто подшучивала, этим самым подкрепляя мою ненависть к ней. Сейчас же весь город привык к моему кричащему имиджу.

Спустя несколько секунд на лестнице появляется фигура,

и внимание Билла переходит на неё. Чтоб мне лопнуть! К нам, на первый этаж, спускается Тереза в одном полотенце, которое она специально слабо придерживает смуглой рукой. Кажется, вот-вот – и оно упадёт на пол. Её темная кожа блестит, короткие тёмные пряди мокрые, висят за ушами, а глаза хищные, самодовольные, впрочем, как обычно. Наблюдаю за реакцией брюнета и хочу дать ему по голове: он пялится на неё не моргая! Ну естественно, она же просто богиня с длинными ровными ногами и бархатной кожей. Да уж, Терезе удалось затмить меня и переключить интерес оборотня на свою персону. Пять очков.

– Посмотрите-ка кто к нам пришёл! – фальшиво радуется оборотень, рассматривая сначала меня, а потом Билла равнодушным взглядом.

Ненавижу этот чертов взор; он прямо-таки кричит: «Вы собачье дерьмо на асфальте». Однозначно, Тереза не в восторге от нас, хоть мы ей толком и ничего не сделала. Простая самозащита. Она первая желала превратить меня в красную лужу, а нам с брюнетом ничего не оставалось, как защищаться...

– Где твой Мерлин? – пропустил мимо ушей слова Мун Билл, шагая в сторону какой-то комнаты.

Он знает это место очень хорошо, поскольку во времена их с Фениксом дружбы, Хофер-младший (чего уж там, Томас тоже в счет) часто бывал в поместье. Я следую за ним хвостом, а полуголая Тереза, не сдвинувшаяся с места, бро-

сает в спину едкое:

– В душе. Хочешь составить компанию?

Не вижу лица брюнета, но чувствую, что тот ухмыляется.

– Он не в моем вкусе!

Огромный зал остался за нами, сейчас же, в это мгновение, передо мной открылся вид на шикарную кухню. Боже правый! Была бы здесь моя мама, то точно бы сошла с ума. Помещение настолько большое, что здесь с лёгкостью уместилось бы приблизительно два огромных бульдозера. Кафель под ногами светлый, с изысканным узором похожим на лазу винограда, стены ближе к кремовому окрасу напичканы разными картинами: от обычной вазы с фруктами до копиями картин не очень известных, но достаточно талантливых художников, достойных внимания. На зеркальном потолке висят три хрустальные пыльные люстры, ещё пару светильников на стене в форме бутона цветка. Оборудование, шкафчики, полки, неожиданно, достаточно новые и стильные, в самом сердце комнаты уместился длиннющий деревянный стол с стеклянной поверхностью, на котором стоит ваза со свежими лилиями. Изыскано и со вкусом, что ещё скажешь?

Билл подходит к столу и, наконец, кладёт пакеты с логотипом «Мокко», после поворачивается ко мне лицом.

– Эта девушка остра на язык, тебе не кажется? – фыркнул он, оперевшись руками о гладь стола.

В другое время я бы с удовольствием ответила бы Хоферу, но сейчас... Меня слишком сильно поразила роскошь этой

кухни. Я смотрю на окружающие вещи с раскрытым ртом подобно ребёнку на манящий леденец. Удивительно, Крамеры так боятся призраков, которых не существует (ведь так?), из-за чего покинули столь роскошный дом и даже не забрали с собой мебель? По-моему, это глупо. Хотя мама, вроде, говорила что-то об этом. Типа они раз в сезон, а может в два или три, приезжают в поместье, ночуя здесь пару дней. Ха, словно это место – курорт.

Спустя пять минут к нам присоединяются Балдуин Блэк и Тереза Мун. Ух, неужели, она оделась? Девушка натянула на себя короткие шорты и длинную бесформенную майку. А вот на маге чёрная, облегающая его рельефные формы кофта с треугольным вырезом, который слегка оголяет его левую ключицу, ещё свободные брюки; чёрные волосы ещё мокрые, и если присмотреться повнимательнее, то можно заметить капли воды, стекающее по его лбу. Выглядит он... непривычно. Ой! Чуть ли не забыла.

– Добро пожаловать в наш новый дом! Правда он бесподобен? А главное местные жители страшатся его, как Дьявола, – маг довольно бодро прошёл к столу и улыбнулся мне, но, когда их с Биллом глаза находят друг друга, парень сразу же становится серьёзней, натягивая маску.

Снимаю со спины рюкзак и кладу его на стул, аккуратно доставая сложенные вещи.

– Вот, – окликнула я двух новых друзей, – я принесла вам вещи, чтобы было в чем ходить.

Балдуин рассматривает лёгкий свитер и старые папины джинсы, приставляя их к своим ногам. По его выражению лица понятно, что шмотки не супер, однако он хотя бы старается выглядеть благодарным, чего нельзя сказать о Терезе. Темноволосая сканирует глазами мою кофту горчичного цвета с длинными рукавами и кривит недовольно сухие губы, наклонив голову набок.

– Это цвет твоего переваренного завтрака?

Другого и не стоило ожидать.

– Я знала, что тебе понравится, – беззаботно отвечаю ей, доставая темно-синие джинсы, – и это примерь. Если не подойдут, принесу другие.

Тереза ничего не отвечает и садится за стол, доставая со дна пакетов фастфуд. Услышав потрясающий запах, мой желудок издал неприятные звуки, от которых хотелось бежать прочь или напялить на голову пакет, чтобы скрыть покрасневшие от стыда щеки.

– Спасибо, Марго. А на Теру не обращай внимание, она плохо сходится с людьми. Нам это понадобится, но, к счастью, последние хозяйева оставили здесь свои вещи и даже украшения. Мы, можно сказать, живём в шоколаде, – улыбнулся Блэк и убрал мои подарки в сторону.

Я лишь добродушно улыбнулась и спрятала вещи.

На этом «модная» минутка завершилась, теперь пришёл черёд серьёзного часа.

Мы с Биллом сидим напротив ребят, а между нами, на

прозрачном столе, уместилась еда: начиная с гамбургеров, заканчивая пиццей и жареными рёбрышками. Тереза, словно лет двести не брала ничего в рот, жадно облизывает свои длинные музыкальные пальцы, испачканные маслом от мяса и довольно стонет. Видно, превращение забрало много её сил, нужно восстанавливаться.

– Итак, – откашлялся Билл, оторвав хмурый взгляд с горы косточек на тарелке оборотня, – кто вы такие?

Немедленно добавляю к вопросу брюнета свой:

– И кто такие эти охотники?

Слова повисли в воздухе. Мы ими дышим. Балдуин, подняв взгляд в первую очередь на меня, растягивает уголок рта в кокетливой полуулыбке и назло молчит. Играется. Только сейчас позволяю себе разглядеть этого странного парня повнимательней: волосы его чёрные, сродни замыслам грешника, кожа светлая, шёлковая. Лоб большой и благородный, без лишних излишеств; единственное, когда он хмурится или сбрасывает брови вверх, лишь тогда появляются морщинистые складки. Нос прямой, острый, брови густые, скулы четко выражены, особенно в полумраке; глаза и небольшие, и немаленькие, с слегка нависшим веком. Окрас их странный... вчера мне показался один цвет, а сейчас они голубые с карими крапинками.

– Начнём вот с чего... – облизал Блэк свои розовые губы. – Я – чернокнижник и чародей.

И тут мое сердце чуть было не рвануло. Невесомость... В

горле дыхание сперло. Я резко вскочила из-за стола и с выпученными глазами уставилась на темноволосого мага. От моей реакции Билл в эту секунду оживился, с тревогой поглядывая то ли на меня, то ли в сторону чародея. Чернокнижник. Боже, с ума сойти!

– И ты говоришь мне об этом только сейчас?! Ты – тёмный маг, а с такими, как ты, у меня нет общих дел! – закипела я, до боли в костяшках сомкнув кулаки.

Виски неприятно пульсируют.

– Так я и знал. Гниль снаружи, быть может, спрятать можно, а вот гниль внутри, не вымыть никогда, – заключил Хофер, самодовольно фыркнув.

Он прожигает двоих волчьим взглядом и хочет уже обратиться, как тут Балдуин говорит:

– Друзья, прошу, прекратите делать поспешные выводы. Будь я злодеем, то убил бы тебя, Марго, сразу и присвоил бы всю твою силу себе, – его глаза, словно зеркала. Чистые-чистые, – да, я чернокнижник, но темная магия – не признак зла. Просто таков мой способ колдовства.

Хофер недоверчиво наклонил голову и прищурил глаза, потому что не верит. А я? Стоит ли мне довериться тому, кого мы, светлые ведьмы, обязаны избегать, а желательно уничтожать?

Правда это или очередная ложь? Бабушка говорила, что темные ведьмы и маги никогда не делают ничего хорошего. Они связываются с вампирами, колдуют для них и всегда

ищут себе выгоду. Я не знаю кому верить. Сесилия, помнится, не раз мне лгала, возможно, и здесь таится ложь. Может, она это сказала, чтобы уберечь меня... Черт подери, я без понятия! Аж волосы на голове готова рвать.

Балдуин Блэк замечает мое растерянное выражение лица и мягко добавляет:

– Марго, не магия определяет зло ты или свет, а сам человек. Можно пользоваться темными силами во имя добра. Неужели тебе об этом не было известно?

Тереза посмотрела на меня исподлобья, но не со злобой, а скорее с усмешкой.

Я в замешательстве, честное слово. Черт, как же сейчас мне не хватает бабушки, её наставлений и помощи. Моё сердце тоскует по ней, нет сил отпустить Сесилию, потому что не хочу! Все, кого я люблю, рано или поздно покидают меня. Это чертовски больно, потому я боюсь привязываться к людям. Быть может, смысл любви заключается не в близости, а в умении отпускать? Внезапно Билл начинает смеяться и качать головой, отчего кажется, точно он лишился рассудка.

– Ты хитрее, чем кажешься, – говорит он магу, – думаешь, мы поверим тебе?

– У вас нет другого выхода, – выдохнул Балдуин, выпрямив плечи, – понимаю. На вашем месте, я бы тоже себе не доверял. Это нормально, но скоро вы поймёте, что мы вам не враги.

Хочу было вставить слово, но...

– Говори за себя, – дерзко выплевывает яд Тереза, смотря прямо мне в глаза, – она для меня ничто. И защищать я её от охотников не собираюсь. Пусть прикончат её, тогда, быть может, это кровопролитие прекратится.

Да уж, не знаю кто больше выносил мне мозг: покойная Урия Хофман или эта дворняжка?

Наш зрительный контакт продолжается уже достаточно долго, и кажется, будто в помещении, над нашим столом, появилась грозовая туча, издающая глухие звуки и пускающая языки пламени. Спазм в животе усиливается, как и, собственно, желание поставить оборотня на место раз и навсегда.

Перевожу стальной взгляд на непоколебимое лицо черно-книжника, набрав побольше воздуха в рот.

– Надеюсь, я не пожалею о своём решении. Если вы меня обманете, я вас убью и глазом не моргнув, – процедила сквозь стиснутые зубы я, оттого послышался их неприятный на слух скрежет.

В груди утихает жар, кровь больше не стучит в висках. Вдох. Выдох.

Билл кладёт свою руку на мою ногу и сжимает её, как бы говоря «я рядом, все будет хорошо». Наконец-то, тишина.

– Люди всегда боялись нас. И ненавидели. Но разница в том, что были и добрые существа, а люди ненавидели всех одинаково. Кто-то прятался и сбегал, а кто-то отлавливал таких, как мы и уничтожал, – завораживающим тоном принял-

ся рассказывать Балдуин, – впервые про охотников услышали в тысяча пятьсот сорок восьмом году. Люди путешествовали от одной земли к другой, делали много открытий, в том числе и знакомились со странностями нашего мира. Ходили разные байки. Какие-то племена превращавшись в животных, другие же, кочевники, могли голыми руками перебить целую стаю буйволов, но боялись солнца, а третьи же насылали чуму и могли управлять погодой. Таких страшились, обходили стороной, не признавали. И тогда появилось они – охотники. Охотники являются не простыми смертными. Эти люди заключили сделку с одной ведьмой местного племени, с женщиной, практиковавшей магию вуду. Если она даст им силу убивать и забирать магию сумеречных существ, то люди не тронут её племя и потомков. Обладая могущественной силой, ведьма исполнила волю людей, и появились монстры куда хуже нас. Их становилось все больше и больше: создавались семьи, разрастались селения, города... Им с детства внушают, что мы – безжалостные монстры. Нас нужно убивать. И повезло тем, кто никогда не встречал их на своём пути, а кто встречал, того ждала неминуемая смерть.

Во рту стало резко сухо. Слушая рассказ мага, мы с Биллом десять раз менялись в лице. Видно, охотники могущественные существа, от которых лучше держаться на расстоянии. И эти самые «могущественные существа» желают моей смерти. Повезло же мне!

– Что-то здесь не так. Не верю в их неуязвимость. Они

правда такие непобедимые? – облокотился на спинку стула Хофер, вытянув руку в сторону, слегка касаясь моей спины.

По телу пробежали мурашки, но я промолчала, вникая в слова чернокнижника.

«Непобедимого врага нет», – говорила мне Сесилия. Неприятель номер один всех сумеречных существ – сердце, голова и пламя.

Балдуин растянул уголок рта в улыбке и отпил глоток газировки, кончиком языка облизав нижнюю губу.

– Нет, конечно. Все можно убить. Того требует равновесие. Просто они обучены выживать. Это сделать трудно, но всё-таки возможно.

Отвлекаюсь от своих гнетущих мыслей и поднимаю хмурый взгляд на Блэка.

– Чего нужно бояться?

Тереза, придерживая рукой голову, громко чавкает, этим самым привлекая внимания собравшихся. Сейчас что-то скажет.

– Их оружие. Лук и стрелы, – со всей наигранной серьёзностью сообщила она.

Эта реплика меня убивает. Серьезно? На дворе двадцать первый век, а знаменитые в сверхъестественном мире охотники пользуются доисторическими орудиями? Странно.

Билл удивлённо сбрасывает брови ко лбу.

– Лук и стрелы? В чем же подвох?

– Стрелы пропитаны ядом, который непременно заражает

весь организм существа и приводит к мучительной смерти. Симптомы одни и те же: слабость, бред и блевотина жёлтой слизию.

Мгновение – перед глазами раненный оборотень, нуждавшийся в помощи. Значит, Джонатан был ранен охотниками. По спине пробежала целая орда мурашек, спина словно облилась кипятком.

Что сумела сделать одна стрела с двухметровым оборотнем... О Боже! Круто поворачиваю шею к брюнету, с непонятной эмоцией разглядывая его прекрасный профиль. Страх поразил меня. Билл! Ведь он тоже в опасности! А если охотники нагрянут к нему домой, почувствуют его магию?.. В голове мелькают разные ужасные картинки, от которых лопается сердце. Мне в тысячу раз труднее дышать, будто меня душат пакетом или топят в химикатах. Нет... нельзя такому позволить произойти. Никто из моих друзей не пострадает, а охотникам придётся отправиться восвояси. Сжимаю ладонь Билла в своей руке и перевожу дыхание.

Внезапно я чувствую прилив сил и уверенности. Такое ощущение, точно кто-то вдохнул в меня жизнь, и это чертовски радует. Грядёт ещё одна битва, мы должны быть готовы.

– Я все поняла, и если вы реально желаете мне помочь, как сами клянётесь, то мы, наверное, будем рады вашей помощи, – «учитывая то, что выбора у нас нет, а Генри пропал» хотелось сказать мне, но я вовремя закрыла рот.

Блэк довольно оживился и одобрительно кивнул, а его по-

дружка протяжённо зевнула, показывая этим действием, что ей на все глубоко плевать.

– Но это не значит, что мы вам доверяем. Вы на испытательном сроке, – поспешно добавляет Хофер, выгнув одну бровь.

Маг ухмыльнулся.

– Хорошо. Что ещё... А! Яркая вспышка агрессии охотников наблюдалась в тысяча шестьсот девяносто втором году. Угадай где, – хитро сощурил глаза тот.

Ха, расплюснуть. Это очень просто.

– Салем.

– И, конечно же, в Салли Хилл. Два города тесно связанные чёрными пятнами в истории человечества.

Видимо, Тереза устала сидеть без дела, поэтому она встрепенулась, поднялась со стула и принялась наматывать круги от одного шкафчика к другому, с шумом открывая их, при этом, время от времени, хватаясь руками за любой предмет, например, пепельницу или кружку. Интересно, о чем она сейчас думает? Мы знакомы меньше суток, но о ней у меня уже успело сложиться впечатление – она долбанная кретинка со вспышками агрессии. Или, как сказал Балдуин, она просто не умеет общаться с нормальными людьми – сущность не позволяет.

– Не забудь ей рассказать про самую кровожадную мразь, которая за свою жизнь поубивала тысячи нам подобным, – охотно подсказала она Блэку, и тот резко закивал головой.

А вот это уже интересно. Что ж, хочю ли я об этом знать? Наверное, надо, ведь сперва нужно хорошо изучить врага, прежде, чем бросаться в драку. Диковатые эти охотники. Они рубят всех на своём пути: и плохих, и хороших. А ведь есть люди, которые хотят тихой спокойной жизни, которые хотят создать домашний очаг, семью, как, например, наш род. Зачем причинять вред тем, кто ничего плохого не сделал? Миру хватает злодеев, пришло время появиться героям. И эти герои – точно не охотники...

– О, да! Это время называли «Кровавым веком», потому что в те времена существовала головорезка каких свет не видывал. Жизель Коггери – девочка с каменным сердцем и острыми зубами. Она буквально разрывала жертву на части, откусывая ей пальцы...

Удар в солнечное сплетение... Перед глазами мелькают тёмные круги. Боже, мне ведь не послышалось? Я сглатываю кислый комок в горле и пытаюсь начать дышать, но легкие будто лопнули. Жизель Коггери. Так вот о ком говорил Джонатан перед своей смертью. Коггери. Он просто не успел договорить, потому что было слишком больно. Машинально кладу руку на карман, нащупывая под тканью юбки сложенный и уже не нужный листок. Она охотница – настоящая машина смерти, тем не менее, её уже нет в мире живых. Все ещё больше запуталось. Поворачиваю к Биллу, многозначительно стреляя карими глазками. Он, в недоумении, как и я, хмурит брови, отстранённо глядя лишь в одну точку, и

молчит. Что сказать, мы в шоке!

– Жизель Коггери? – переспросила я, будто глухая.

– Да... – ответила Тереза, вглядываясь в наши побледневшие лица, – а что?

Бам – и ступор прекратился. Я подаюсь вперед, к столу, чтобы рассказать новым товарищам правду, как тут Билл незаметно для ребят сжимает мою ладонь, отчего я немедленно останавливаюсь и закрываю рот. Он не хочет раскрывать карты. И, быть может, это верное решение. Мы ещё не знаем, стоит ли этому дуэту доверять.

– Просто... – запинаясь, начала я, придумывая ответ. – Стало интересно. Что она такое?

Замечаю искорки в глазах Блэка и не на шутку напрягаюсь. Мне это не нравится. Обычно такие искорки означают одно – приключения на задницу.

– Хочешь увидеть её своими глазами? – почти шепотом спросил он.

Все напрягаются, включая меня.

– Чего?

– Пойдём, – Балдуин резко покидает своё место, а за ним следом и разъярённый Билл.

Черт.

– Она никуда с тобой не пойдёт!

Брюнет приближается к чернокожнику и с угрозой в зрачках смотрит на него, однако тому хоть бы что.

– Билл, я не причиню ей вреда. Она должна её увидеть.

Размышляю над его последней фразой. Джонатан не просто так произнёс имя этой охотницы. Думаю, она играет важную роль в данной головоломке. Набрав побольше воздуха в лёгкие, встаю на ноги и подхожу к Хоферу, мягко коснувшись его руки. Он оборачивается.

– Я пойду. Так нужно. Со мной все будет хорошо.

Прекрасно замечаю упрямое желание оборотня вмешаться, но я легонько киваю ему головой, и тот все понимает. Он не хочет, но вынужден отпустить меня с чернокнижником непонятно куда.

– Вы с Терезой подождёте нас здесь. Взять вас в путешествие я не могу, слишком много людей, – как бы извиняется Балдуин.

– Пошёл ты, – только лишь выкидывает Билл, и мы исчезаем в дверном проеме.

Ничего не понимаю, но слепо слеую за тёмным магом, чувствуя, что это правильно.

* * *

Мы в лесу, неподалеку от трассы, но достаточно глубоко, чтобы люди случайно нас не заметили. Воздух теплый, греет солнышко, и все же несмотря на это трава под подошвой пропитана росой, а почва рыхлая. Вся грязь охватила обувь. Тем не менее это не останавливает уверенного Балдуина. Он сел на колени, прямо передо мной, отчего стало слегка неловко, и начал голыми руками выкапывать ямку, не щадя свои ног-

ти. Я наблюдаю за этим процессом, скрестив руки на груди и в тоже время пытаюсь сообразить, что тот вытворяет.

И вот, спустя короткий отрезок времени, ямка выкопана, а ладони парня полностью в земле. Он выпрямил спину, разминая затекшую шею, и посмотрел на меня. Не могу точно определить его выражение лица: то ли он хмурый, то ли воодушевлённый, то ли... никакой.

– Э-э, что ты делаешь? – спросила я, выгнув левую бровь.

Балдуин облизал сухие губы и прищурился одним глазом, когда лучи солнца показались изо деревьев. В настоящий момент чернокнижник похож на безумца.

– Темное колдовство отличается в своей манере от светлой магии. Здесь другие правила. Именно сейчас, перед тобой, я колдую, – разъяснил темноволосый, доставая из внутреннего кармана куртки охотничий нож-раскладушку.

Я испугалась и опустила руки по швам, от любопытства вытянув шею вперёд. Это так завораживающе наблюдать за темной магией. Мне кажется, что тёмное колдовство очень похоже на мое, по крайней мере, пока я не замечаю разницы. Подумаешь, выкапывает ямку.

Но только мне это взбрело в голову, как тут началось самое интересное. Балдуин снимает с кисти руки золотые наручные часы и кладёт их в центр ямки. С каждой секундой все завораживающе...

– Садись, – приказал тот, и я опешила.

– Здесь грязно, я испачкаю вещи, – попыталась отвертеть-

ся я.

– Марго, не будь чистоплюйкой. Ты не пожалеешь, поверь мне, – пообещал маг.

Что ж... Выпустив стон безысходности, я всё-таки сажусь точно также, как и чернокнижник и чувствую, что роса впитывается в ткань моих джинсовых брюк, а холод, исходящий от земли, морозит мне ноги. Ненавижу чёртову сырость!

– Дай мне руку.

Я протянула ладонь, а Блэк перевернул её и крепко вцепился своими перепачканными щупальцами за мой указательный палец, сжимая кончик сильно, отчего он покраснел. Кровь перестала циркулировать. Только мне захотелось расспросить его об этом, как Балдуин в ту же секунду уколол меня ножом, и послышалось мое ойканье.

– Что за?.. – нахмурилась я, но руку не отдернула.

Парень ещё больше сжал палец, чтобы кровь полилась горячей струйкой, и когда это случилось, он придвинул мою ладонь к часам в ямке, и плазма капнула прямо на циферблат. Странно все это и одновременно чарующе.

Тоже самое он проделывает со своей рукой, а затем, что-то пробурчав под нос, Балдуин разбивает стекло циферблата ножом и быстро хватает меня за руки. В это мгновение я почувствовала дрожь, силу и жар, и холод, боль и слабость... Невероятный поток энергии, будто два мощных циклона встретились и образовали страшную воронку. Деревья вокруг нас начали шептаться, а неистовый ветер разносит их

слова по воздуху. Флора чувствует что-то неладное, и это самое неладное – мы с Блэком.

– Темпорис дискриром керум мортем, – сомкнув веки, принялся зачитывать заклинание Блэк, – темпорис керум, темпорис мортем!

Не знаю, что в тот момент ощущал сам чернокнижник, но меня распирало во всю. Я как будто сижу в крохотной бутылке, которую бушующие волны подкидывают к небу, затем заглатывают и вновь выплёвывают наружу. Перед прикрытыми глазами мелькают разноцветные линии, а голос Балдуина стал доходить слабо, гулко, словно со дна колодца. Подобное происходило, кажется вечность, но потом я слышу громкое тикание стрелок часов и... тишина. Мое тело перестало подвергаться тряске, а в темноте больше не мелькают сияния. Все замерло. Только голос сердца доносится откуда-то из живота. С ума сойти...

Считаю до трёх и резко открываю глаза, надеясь, увидеть что-нибудь хорошее. Темно. Глаза, привыкшие к свету, ничего не видят, приходится много моргать. Лес исчез, мы в каком-то помещении. Здесь, не ясно где именно, пахнет сыростью, книгами (этот запах я не спутаю ни с чем) и смертью. Серьёзно, я не утрирую. Смерть.

Мы с Балдуином сидим на деревянном полу из прочных досок, а нас окружают высокие грозные полки с рукописями и свитками; неизвестно откуда доносится шорох. Кругом странные вещи, словно... нас выбросило в прошлое.

Оглядываюсь, одновременно отпустив горячую ладонь мага, который пристально наблюдал за моей реакцией. Черт, теперь мои руки испачканы землёй.

– Где мы? – спросила я, но Балдуин быстро приставил палец к мои губам и прошептал: «Тише!».

Я опешила на месте, округлив глаза и затаив дыхание. Испачканные руки мага оставили на моих губах след от сырой и пресной земли, и кажется, что я чувствую её вкус. Улавливаю чьи-то голоса. Мужской и женский, или, даже можно сказать, девичий.

Блэк помогает мне встать на ноги, при этом повторяя «тише», но я не виновата в том, что здесь скрипучее доски!

По-моему, маг перенёс нас куда-то... вот только куда? Невообразимо! Сейчас мне и станет известно, как хотя бы выглядела та самая Жизель Коггери.

В комнате стоит полумрак, сквозь книжки виден стол, а на нем масляная лампа, огромный стул и две фигуры. Они о чём-то говорят, но я не вникаю в суть разговора.

– Знакомься, – шепчет чернокнижник, покосившись в мою сторону, – эта девочка – будущая маньячка. Это – Жизель Коггери.

Ого! До конца не понимаю, что поражает меня больше: то, что мы переместились в прошлое или то, что я вижу перед собой знаменитую охотницу на первой ступени её карьеры. Не верю! Она передо мной. Что же хотел сказать мне этим именем Джонатан?

Сглатываю кислый комок, не отрывая глаз от фигур. В комнату кто-то заходит, после чего на пол бросают мальчика. Мое сердце сжалось, точно рёбра уменьшились в сто крат и теснят все мои внутренности... Он весь побитый, еле дышит и даже не пытается встать. Не уж то это они с ним поступили так чудовищно?

– Этот мальчик – маг. Они его поймали и держали в темнице, всячески измываясь над ним. Он её жертва, – меж тем комментирует Балдуин, проясняя ситуацию.

Человек в чёрной мантии что-то кричит, а затем обращается к миленькой девочке, которая еле стоит на ногах, не отрывая глаз с пленника. Все происходит слишком быстро. Я не успеваю вникнуть.

Юная дева берет из рук человека что-то сверкающее и подходит к мальчику, после чего говорит ему в лицо:

– Монстры должны умирать, – и в эту же секунду она безжалостно перерезает мальчишке горло кинжалом.

В шоке от увиденного, я прикрыла рот ладонями, ощущая, как в меня вонзаются сотни иголок. Перед глазами завеса тумана, но только спустя время до меня доходит, что это вовсе не туман, а пелена слез. Мне очень душно. Девочка и мужчина продолжают трепать языками, в то время, как я вся дрожу и покрываюсь гусиной кожей, разглядывая бездыханное тело мальчика на полу.

Она взяла и просто перерезала ему горло. Маленькая девочка. Хрупкая на вид, нежная и безобидная... Охотники

настоящие нелюди, они и вправду хуже нас. Они ломают души с детства, коверкают детям сознание, внушают им свои взгляды и позиции. Видимо, раненый оборотень хотел просто предостеречь меня или же... не знаю.

«Не щади. Убивай. Наказывай», – запомнила я слова того человека.

Вот он – девиз охотников. Балдуин обеспокоено глядит на меня, а я стою статуей, поражённая хладнокровностью маленькой девочки. Делаю шаг в сторону и нечаянно задеваю рукой торчащую из полки пожелтевшую, достаточно потрепанную рукопись, отчего она немедленно падает на пол, прихватив за собой ещё парочку свитков.

Сердце ушло в пятки, в крови забурлил адреналин. Один. Два. Три. Три. Два. Один.

– Кто здесь? – крикнул мужчина в мантии.

Вся в холодном поту, с паникой в глазах смотрю на Балдуина, а тот, мгновенно сориентировавшись, со скоростью света хватает меня за кисть и что-то шепчет, кажется, очередное заклинание.

От страха сжимаю веки и со всей силой кусаю губы до крови. Время вновь застыло. До меня доходят грозные приближающиеся шаги охотника, но в это мгновение нас с чернокнижником выбрасывает в чёрную воронку, а страшное место остаётся позади...

Острая боль пронзает тело.

Нас выбросило обратно в лес. Это было... очень больно! И ужасно страшно! Я упала на спину, заработав ссадины и синяки, а Блэк на бок, ударившись о камни.

Господи... Меня до сих пор трясёт. Я видела много мерзкого, страшного, горько за пройденный год, но почему именно эта картина так странно повлияла на меня? Может, потому, что я не могла поверить в бесчеловечность юной девочки?

«Монстры должны умирать», – сказала Жизель.

Неужели она не понимала, что сама в ту секунду, когда кинжал лишил жизни маленького мальчика, стала монстром? Я сажусь на землю и обхватываю свои колени руками, чувствуя тяжесть на душе. Сегодня меня ждёт очередная бессонная ночь...

Балдуин, кряхтя, поднимается на ноги и стряхивает с себя грязь. Воздух наполнен ароматом сухих листьев и еловых веток. Я счастлива, что вернулась обратно, в реальность, потому как в прошлом невозможно было даже нормально дышать.

– Марго, ты в порядке? – протянул мне руку чернокожник.

Игнорирую его жест и самостоятельно покидаю холодную землю, хмуро рассматривая голубые глаза Блэка.

– Разве путешествие во времени не нарушает равновесие? Конечно же ответ мне был известен, я всего-то хотела услышать его из уст мага. Можно ли ему доверять?

– Равновесие нарушается в том случае, если мы где-нибудь напортачим в прошлом, отчего бы изменилось настоящее. Но, к счастью, все прошло хорошо... более-менее.

Черт, знала бы сейчас Сесилия, чем я занимаюсь, вырвала бы мне все волосы и просто убила. Вспоминаю минувшие деньки и слегка улыбаюсь, в голове слыша родной голос бабушки. Давно она меня не навещала во снах. Ах, точно, забыла... Она приходит только в кошмары.

Забрав, к моему огромному удивлению, целые наручные часы из ямки, мы не спеша отправились в сторону поместья Крамеров.

Всю дорогу нас преследовало молчание – каждый думал о своём. Время вновь начало свой ход.

Жизель Коггери. Кто же ты? Призрак из прошлого или сон наяву? Мы это обязательно выясним. Но только завтра, сейчас мне необходима расслабляющая ванна. И тишина.

W» -

значит, война

Город полон людского звонкого смеха и гула автомобилей, проезжающих быстро по серому шоссе.

Салли Хилл, в особенности по понедельникам, похож на огромный муравейник, на который специально, ради своего извращённого удовольствия, наступил пацан: все куда-то убегают, спешат, не замечая прохожих. Зато я замечаю всех. К сожалению.

Мимо меня проехала машина мистера и миссис Хофман, родителей Урии. После «исчезновения» дочери они превратились в ходячих призраков, и если раньше каждый второй трубил на всю улицу о непристойном поведении леди Хофман и о бесхребетности мистера Хофмана, то сейчас никто не смеет раскрывать рта. Некоторые поговаривают, что они собираются переезжать, поскольку в Салли Хилл их больше ничего не держит, тем более, что гроб дочери пуст.

Открываю ключом входную дверь, ощущая на сердце тяжёлую ношу. Странное чувство, возможно, ностальгия, преследующая меня по пятам или очередное плохое предчувствие... Без понятия.

Витрины «Старого гнома» полны книжных новинок и

объявлений, когда раньше здесь продавались бабушкины настойки, мази и всякие другие магические штучки, в которые обычные смертные слепо верили. Над проемом звенит колокольчик; только на сей раз этот звук пустой, поскольку вся радость ушла вместе с хозяйкой магазина. Иногда кажется, будто это все сон, и Сесилия жива-здоровая, однако вскоре меня переполняют эмоции и я сдаюсь, прекрасно осознавая, что бабушки-ведьмы больше нет... Погибнуть от рук вампиров... Нет, не так она должна была уйти! Рядом с ней должны были стоять мы, её близкие и любимые люди, а не кучка кровососов. Мне так жаль, ведь я не смогла её спасти. Потеря близкого человека – это разрушенная связь и страх потерять кого-то ещё, оставаясь беспомощным. И необязательно, чтобы этот человек был мертв – живых тоже можно потерять.

Запах лака, пыли и книг щекочет мой нос, но эта смесь для меня стала родной и неотделимой, как магия и сумеречный мир. Проводя в помещении все своё свободное время, хочешь не хочешь, но привыкаешь к запаху старости.

Снимаю с плеч сумочку и глубоко вздыхаю, готовясь к рабочему дню, где нужно постоянно улыбаться и советовать людям романы или энциклопедии, рекомендовать лучшие рукописи и пытаться заинтересовать покупателя интересными произведениями. Но неожиданно повторно послышался звон колокольчика над дверным проемом, отвлекая меня от обыденных дел. Стрелки настенных часов показывают 8:30 a.m. – слишком рано для посетителей.

– Простите, мы ещё закрыты, – обращаюсь я к взрослому мужчине, что остановился неподалёку от полок с детской литературой.

Он одет в обычные повседневные брюки с рубашкой, как у лесорубов из мультфильмов (не хватает только шапки-ушанки), а на голове его воронье гнездо рыжего цвета. Вообще-то посетитель очень похож на ирландца. Мужчина оглядывает весь «Старый гном» вдоль и поперёк изучающими глазками, будто только что прибыл из далёкого космоса, чтобы поближе познакомиться с земной цивилизацией, после этого его уже орлиный и слегка встревоженный взгляд застывает на мне.

– Ой, моя вина, я не заметил таблички «закрыто», – с акцентом извиняется он, широко улыбаясь, отчего на щеках выступают не глубокие ямочки.

Кивнув мне, ирландец разворачивается на сто восемьдесят градусов и выходит из магазина, напоследок окинув меня загадочным взглядом, точно я обезьянка в цирке. Что ж... Это было неприятно или скорее даже грубо.

Выбрасываю из головы ненужные мысли и направляюсь в сторону нашего с ребятами пристанища, где витал запах грязных носков и обуви. Ой, черт, и вправду. Я забыла постирать вещи со дня «нападение ворон или как остаться в живых». Максимально игнорируя вонь, принимаюсь рыться в бабушкиных коробках с дневниками, амулетами, книгами, магическими штучками. Да, Сесилия много чего не догова-

ривала, оправдываясь моей неопытностью и не подходящим временем. Кто же знал, что меня захотят убить охотники? Пыли собралось столько, что мои легкие уже кричат о свежем воздухе; короче говоря, я громко кашляю, протирая рукой обёртку книг. Ого! Здесь целая башня дневников моих предков. Стоит подумать о приобретении своей записной книжки...

8:56 a.m.

9:22 a.m.

10:37 a.m.

Мои веки тяжелеют, тянет в сон, как в пучину тьмы. Я, протяжённо зевая, убираю в сторону очередной дневник предка без малейшей *полезной* информации об охотниках и наугад хватаюсь за следующую потрепанную временем макулатуру. Причём записей все меньше и меньше. Сразу перед глазами проносится вечер перед экзаменами: море зубрёжки и никакой магии, ибо гребаное равновесие нарушать нельзя. Тогда (и сейчас тоже) я не могла понять, в каком месте нарушается равновесие, если я просто с помощью своих магических сил сдам тесты? Увы, ответов нет и по сей день. Я хватаю не знаю какую по счету книжку и рассматриваю её. Дневник отличается от всех предыдущих а) своим объемом

– это маленькая брошюра и б) обложкой: по углам переплетаются кусты терновника, а в центре аккуратно изображена буква «Г». Листы шершавые, почерк строгий, а буквы маленькие с наклоном направо. Чернила неплохо сохранились, по крайней мере, читать можно. Тем не менее изучать особо и нечего: записи слишком скудны. Пройдясь глазами по страницам, я дохожу до...

«13 октября. 1675 год.

Моя мать запрещает мне ходить в лес с остальными детьми. Шарлотта говорит, что её родители желают переехать на юг, поскольку здесь, в Салеме, им оставаться страшно. Это значит, что я больше не увижусь мою милую Шарлотту.

Приложив руку на сердце, скажу, что и мне оставаться здесь страшно. Часто, слишком часто стали пропадать люди. Семья Рочестеров потеряли одного ребёнка и миссис Рочестер. Семья Уолтеров двух служанок. Мама говорит, что они заболели и ушли, чтобы не заразить весь город, а то от чумы спастись тогда никому не удастся. Наверное, именно чума виновница в гибели домашних скот. Я их видела. У коровы не было второй части туловища, а внутренности её завалили всю землю, как град. Завтра мне исполняется четырнадцать лет. Бабушка говорит, что эта цифра изменит многое...»

Отрываюсь от записей и даю себе время передохнуть. Стоит ли читать дальше? Кажется, здесь также ничего нет. Вдох. Окей, дам ещё один шанс.

«24 октября.

Все больше и больше мне страшно находиться одной в своей комнатке. Старшая сестра говорит, что со мной все хорошо. Что таков мой дар – оживлять мертвые цветы и сбивать с ног злых детей, которые мне докучают. Но дар ли это? Или проклятье? Шарлотта оставила меня. Нет, она не уехала, она поступила хуже – умерла. Её хрупкое тело нашли на опушке леса. У неё не было ног. Так сказали взрослые, сама я того не видела».

«13 декабря.

Быть ведьмой – большая ответственность. Я много учу заклинаний, бабушка и матушка мне в этом помогают. Матушка говорит, что никто не должен знать о моей силе, иначе случится беда. Я поклялась молчать. Моя старшая сестра Марта выходит замуж за местного кузнеца – Эрнеста. Будет праздник».

«6 августа. 1676 год.

У Марты родилась девочка. Она просто красавица. Её называли Элизой.

Жаль, что моему отцу никогда не увидать своих внушек.

Он заболел и умер пару месяцев назад. Надеюсь, Господь простил ему его пороки.

Я больше не дружу с Финном. Он не ходит в школу. Кто-то сказал, что его отправили в странный дом с такими же странными детьми, как и он сам. Люди называют их по-разному: кто-то – «одаренными», кто-то – «больными», кто-то – «детьми сатаны». Но вчера я видела Фина. Он изменился. Взгляд у него хищный и железный. Он так смотрит на меня, точно сейчас набросится и съест. Когда я хочу подойти к нему, он расширяет свои глаза и жутко улыбается. А как-то раз я столкнулась с ним у озера, где собирала травы. Он ждал меня.

– Гретта, хочешь я тебе помогу? – предложил он, но я отказалась. – Не бойся, я просто донесу корзину.

Делать было нечего – пришлось повиноваться. Мы шли через лес, я немного впереди, он сзади.

– Как поживает твоя матушка? Слышал о смерти мистера Крупера, сочувствую твоему горю.

Но жалости в его голосе не было. Моя кожа начала покрываться мурашками.

– Спасибо, Фин, – ответила я.

– Ты красивая девочка. Говорят, тебе ищут подходящего жениха на выданье?

– Говорят все, да не всегда правду.

– Ты нравишься моей матушке. Я бы мог на тебе жениться, – внезапно открылся он, и я обернулась к нему ли-

цом, – жаль только, что ты монстр.

Его слова меня напугали. Волна паники пленила мое сознание, и я продолжала стоять с открытым ртом. Лицо Фина стало злым, угрожающим. Он с ненавистью выбросил мою корзину в сторону, а из-за спины достал деревянный лук из орешника и острые стрелы с железным остриём. Сердце тогда мое чуть было не выскочило.

– Фин, что ты делаешь?! – закричала я, судорожно вздымая.

Слезы потекли по горячим щекам.

– Ты – монстр! А монстров нужно убивать!

Когда он начал натягивать стрелы на лук, я поняла, что мальчик не шутит. Рысью побежала по дорожке, пытаюсь спрятаться от страшного недруга. В землю, к моим ногам или в дерево летят стрелы, мечтающие попасть в тёплое тело. Далеко слышался голос обезумевшего Фина, который кричал:

– Беги, но от меня тебе не спрятаться, Гретта! Ты все равно умрешь! И семья твоя умрет! Потому что монстры должны умирать!

Я бежала, что есть сил, не замечая веток, кустов и колючек. Тем временем, Фин меня нагонял. Он вновь прицелился и выпустил стрелу, которая сумела задеть мою ногу. От боли я вскрикнула, но больше за мной никто не гонялся».

«10 августа.

Мне очень тяжело писать эти слова. Сил нет даже дышать. Меня постоянно тошнит какой-то слизью. Тело горит, а рана на ноге не затягивается. Матушка молвит, что все будет хорошо, что я просто подхватила тяжёлую болезнь, но иногда, когда я претворяюсь спящей, до меня доходит разговор матушки с бабушкой.

– Лучшие дать ей покой. Она не выживет, – уговаривала бабушка мою мать.

– Я не могу! Неужели нет противоядия?! Быть того не может! А чёрная колдовство?

– Не смей! Даже думать не смей! Это колдовство опасное, не надежное. Гретьте не помочь. Она уже мертва.

Я поняла это ещё с самого начала, когда яд только начал действовать. Почти сразу. Спустя пару часов он дал о себе знать. Фин добился своего – он убил меня».

«11 августа.

Моя кисть больше не может держать перо в руке. Я из последних сил пишу свою последнюю запись. Матушка рассказала, что вчера к нам в дом чуть было не взобрался Фин. Но бабушка разобралась с ним. Он больше не потревожит нашу семью. Также мне поведали, что Фин – охотник, который убивает таких, как мы только потому, что мы необычные. Он даже не знает нашу душу, а делает столь поспешные выводы. От стрел охотников нельзя спастись. Все мрут, как от чумы. Слизь внутри меня вырывается на-

ружу все чаще и чаще, я больше не могу терпеть эти мучения. Поэтому я попросила матушку подарить мне сладкий сон и упокоить мое тело рядом с могилой отца. Я не жалею о своём решении. Все хорошо. Я знаю, что наш род на мне не заканчивается. Маленькая Элиза, а может, позже появятся ещё племянники и племянницы будут гордо нести нашу фамилию. Фамилию Мэнтл».

С шумом закрываю переплёт дневника и тяжело выдыхаю. Значит, Сесилия знала про охотников, но, как обычно, мне ничего не сказала. Как всегда! Ненавижу эти тайны, но они, словно специально, находят меня везде. Удивительно наблюдать за жизнью своих предков сквозь дневники. Гретта – тетя Элизы, Кассандры и Мирабель – ведьм, которые изгнали из Салли Хилл семейство Крамеров, ведьм, которым пришлось оставить свой дом и бежать, ведьм, которые сохранили свою фамилию в секрете... Значит, охотники уже имели дело с моим родом. И, быть может, это как-то все связано? Черт, понятия не имею, уже мозги кипят!

Встрепенувшись, хватаюсь за свой сотовый и смотрю на время. Бог мой! Уже начало двенадцатого. Быстро вскочив на ноги, я второпях бегу обратно в магазин, даже не заметив торчащий листок из последнего не тронутого мною дневника...

По дому витал аромат лотоса. Солнечные лучи незаметно пробрались в комнаты, освещая помещение и добавляя контрастности; вокруг все снова заиграло красками и закипела жизнь, что, несомненно, было хорошо, ибо дом зачих от прискорбных в нем событий.

Поместье вновь приобрело хозяев, и на этот раз опрятных, а не любителей крови и мебели викторианской эпохи.

В то время, пока Марго Ван де Шмидт отчаянно пыталась найти в дневниках малейшую информацию об охотниках, а потом побежала к прилавку, упаковывая покупку клиентов, юные маг и оборотень хозяйничают в поместье Крамеров, довольствуясь всеми удобствами и роскошными предметами декора. Пять ванных комнат, семь спальных на любой вкус и цвет, два кабинета, библиотека, мансарда и многое другое – абсолютно все принадлежит теперь им. Как всё-таки странно. Только пару дней назад у них не было ничего, а теперь они живут не хуже людей королевских кровей. Загадочный дуэт остался довольным...

Тереза Мун, грациозно проходя по красному ковру, осматривает коридор второго этажа, где ремонт остался нетронутым с предыдущих хозяев. Это небольшое пространство являлось маленьким островком, не подвластным времени – здесь точно сплетается с одной эпохой совершенно иная.

Вид отсюда открывается божественный на мраморный пол и хрустальную люстру. Поистине королевский дворец!

Девушка, отметив про себя, что следует на досуге заняться генеральной уборкой, останавливается у приоткрытой двери и с любопытством заглядывает внутрь. Очередная роскошная спальня: в ней и большая кровать из хорошего дерева с резными узорами и мягким матрасом с пятью подушками. Шелковые шторы слегка пропускают солнечный свет, грязные окна распахнуты, а на тёмном комодe с позолоченными ручками лежит стопка вещей, которые подарила новым поселенцам Марго. Увидев это, волчица раздраженно закатила глаза и посмотрела на стройного парня, стоящего напротив большого зеркала к ней полубоком.

Балдуин Блэк застегивает чёрную рубашку на пуговицы, старательно делая вид, будто не замечает игривого взора любопытной подружки и свистит себе под нос. С чего бы это? Терезе сразу не пришлось по вкусу его виртуозный напев вальса Штрауса, он кажется вдохновлённым... Зная характер и привычки Балдуина, она не могла ни заметить эти изменения: обычно он равнодушен и непоколебим; он уравновешен и излучает тьму, а не свет, как многим кажется на первый взгляд.

Тяжело выдохнув воздух из легких через рот, девушка проходит без разрешения в чужую комнату и прыгает на мягкую кровать, раскинув руки в разные стороны. Да, матрас поистине удобный, словно блаженствуешь на пухе или на облаке, в небесах.

Тереза, довольно мыча, пытается зарыться в одеяло, точно

мечтает стать её неотъемлемой частью, и широко улыбается. Как бы Балдуин не старался, у него не получилось долго игнорировать свою подругу, и в конечном итоге он сдался.

– Ты перепутала комнату, Тера? – с намеком произнёс маг, обернувшись спиной к зеркалу.

Он застегивает последнюю пуговицу, оставив свои ключицы приоткрытыми, потому что внимательный маг запомнил взор Марго, когда та взглянула не его плечи.

Темноволосая поднимает голову и изучающе оглядывает приятеля, затем вновь падает на кровать.

– И куда это мы собрались? – пропустила она мимо ушей слова Балдуина, рассматривая потрескавшийся потолок, в углу которого заметна паутина.

Чернокнижник не спешит с ответом; он подходит к туалетному столику и хватает одеколон с мягким запахом, пшикнув им пару раз на грудь и шею, после чего растирая пахучую воду рукой.

– Мне нужно к Марго, это не надолго, – наконец, нехотя отвечает Блэк.

Черт, так она и знала. Поведение друга её смутило сразу: рубашка, от которой все девушки без ума, туалетная вода, причёсанные волосы и довольное посвистывание. Тереза опирается локтем на хлопковый матрас и молчала наблюдает за парнем, который наматывает круги от одного угла к другому. Она боится, что её страхи могут быть не напрасными...

– Интересно, зачем? Мы уже все, что было нужно, обсу-

дили.

– Тера, ты как всегда суёшь свой симпатичный нос в чужие дела, – и вновь очередной намёк.

Волчица провела кончиком языка по своим зубам, словно пытается найти застрявшую частичку еды в промежностях и неодобрительно хмыкнула.

Балдуин отлично понимал мотивы всего этого допроса, однако ему никогда не нравилась излишняя опека со стороны кого-либо. Впрочем, никого, кроме Мун, у него не было. Если он делает что-то – значит, так надо. Без лишних вопросов.

– Балдуин, ты, надеюсь, не забыл для чего мы здесь, м? – встала с мягкой кровати Тереза, скрестив руки на груди.

Она расширила глаза и не моргала – признак того, что девушка злится и беспокоится. Маг резко остановился посередине комнаты, взглянув на свою приятельницу, одновременно играясь скулами на бархатном лице.

– Я не забыл, и напоминать мне об этом каждую секунду нет нужды, – выпрямив плечи, сообщил Блэк.

Тереза подходит ближе.

– Тогда что с тобой? Ты ведёшь себя странно, словно... Дьявол, не хочу произносить это вслух!

Правда хоть и эти слова остались на кончике языка волчицы, оба и без того понимали о чем идёт речь.

По рельефной груди чернокнижника прошёлся холодок, и он замер, не решаясь взглянуть Мун в глаза. Стыдно ли ему

или неловко? Вовсе нет, ничего из этого он не испытывал, кроме раздражения.

– Балдуин, пообещай мне кое-что, – коснулась смуглой рукой до лица приятеля Тереза, – пообещай, что не влюбишься в эту соплячку.

От реплики девушки, чародей по-детски рассмеялся и убрал со своей щеки её холодную ладонь, не отпуская руку. Улыбка застыла на его лице, а вместе с ней и милая ямочка. Они смотрят друг на друга долго: он насмешливо, она с каменной физиономией. Значит, не шутит.

– Тера, прошу тебя!.. – смеясь, покачал головой Балдуин, пытаясь отмахнуться.

– Серьезно! Пообещай! Ты не видишь себя со стороны, а у меня глаза на месте. Твой взгляд... эти чертики в зрачках, а ваш вчерашний побег в лес? – фыркнул оборотень, – с каких это пор путешествие во времени ограничивается в количестве людей? Ты просто хотел побыть с ней наедине, в особенности подальше от её бойфренда. Ведь так?

Дослушав аргументы Терезы, маг фыркнул и театрально закатил глаза, но внутри него все переворачивалось и в тоже время замирало, словно Медуза превращала его душу в камень. Подруга знает его лучше всех, её обвести вокруг пальца практически невозможно. И все же...

– Чепуха. Я просто выполняю свою работу. Дорогая, – он крепко обнял Мун, пытаясь успокоить и вразумить, – ты мне дороже всех. Ты моя семья, я не стану рисковать нами, ясно?

Веришь мне?

Доверять близкому человеку – значит, не отпускать его руку, когда другие скажут сделать это. Подавляя свой внутренний голос, который трубил во всю не верить, Тереза прикусила губу и ответила другу на объятия. А как же иначе? Ведь только они есть друг у друга, только Балдуин был с ней рядом всю жизнь, помогал, оберегал и любил. Он не обманет, не предаст. Это и есть высшая степень доверия.

– Ладно, верю, – они отошли на шаг друг от друга, по-ребячески улыбаясь, – и держись по возможности на расстоянии от Марго. Она меня бесит.

Комната наполнилась звонким смехом чернокожника.

– Поверь, ей об этом известно. Что ж, я пошёл. Не скучай без меня.

Маг чмокает подружку в щечку и покидает поместье с помощью заклинания.

И вот наступила тишина. Тереза, думая о чём-то важном, замирает на месте, вслед за этим подходит к окну и смотрит на открывающийся вид. Аллея вся в золоте... Перед глазами девушки вспыхивают разные картинки, от которых её сердце превращается в горящий свёрток. Она сползает на пол и начинает всхлипывать, прижимая тыльной стороной ладонь к своим покрасневшим губам. За одно мгновение грусть и пустота сменяются злостью и ненавистью. Вспышки ослепляют темноволосую, погружая в тёмные воспоминания.

Крича во все горло, Тереза крепко хватается за волосы

и принимается ходить по комнате кругами, со всей мочи желая обратить спальню Балдуина в пыль. Девушка хватается за подушки и простынь, бросая предметы в разные стороны, однако её ярость не утоляется этим. Слезы градом обрушились на смуглые щёки, отчего Мун разом вспотела.

В конце концов, испытывая разные чувства, волчица падает на ноги и от безысходности принимается реветь навзрыд. Она ненавидит себя, ненавидит обстоятельства и ещё больше призирает Марго, потому что именно ведьма, по мнению Терезы, стала яблоком раздора.

Плечи девушки судорожно трясутся, ком застрял в горле, а так хочется кричать во всю силу!.. Какую же ненависть она питает к Марго. Черт возьми! Это все из-за ведьмы! Если бы только ей было под силу послушаться Балдуина и сделать все по-своему! Если бы только... все можно было исправить.

* * *

Этот день высосал из меня все соки. Конечности ноют, а из-за того, что я не успела ни позавтракать, ни пообедать и даже поужинать, мои коленки дрожат, и кажется, будто я сейчас потеряю сознание. Лишь об одном упоминании о еде, в моем желудке завязывается тугой узел и с ужасным плачем умирают киты.

Спрятав за сегодняшний день заработанные деньги и устало массируя шею, я жмурю веки. Боже, не знаю, что хуже: уставать от своей невеселой работы или от вечных тайн су-

меречного мира? Наверное, и то, и то.

Заправляю прядь волос за ухо и хватаюсь за сумку. Странно, Билл сегодня ни разу не звонил и не писал мне. Неужели я уже успела ему надоест? Или он, как обычно, рубится в приставку? Представив в голове забавную картинку, я усмехаюсь своим мыслям и качаю головой.

Однако, только подумав о том, чтобы наградить брюнета дождевой тучей над головой, в дверях звенит колокольчик и передо мной появляется во всем своем величии недавно упомянутый Хофер-младший. От удивления я аж потеряла дар речи, продолжая глазеть на него с раскрытой челюстью, пытаюсь поймать ход собственных мыслей. Он, широко и мило улыбаясь мне, останавливается рядом с полками и многозначительно молчит. А самое главное то, что Билл одет в синий костюм с инициалами, которые отдают отблеск на свету. «В. Н.» – это его визитная карточка.

Возвращаюсь на землю. Один. Два. Три. Три. Два. Один.
– Ты чего здесь? – пискнула я, мысленно ругая себя за свой холодный порыв.

Боже, а где «привет»? По правде говоря, я по нему безумно соскучилась, но слова сами вылетели из уст. На удивление, Билл искренне засмеялся.

– Пришёл провести тебя до дома. Прости, целый день занимался домашним заданием из университета. Эссе это такое дерьмо, – он медленно подходит ко мне.

Я смотрю снизу вверх на брюнета, тая от одного только

его взгляда. Иногда мне кажется, будто я схожу с ума, потому что везде и всегда мне мерещится только он. Любовь для меня была мифом, а теперь это самая настоящая реальность.

Нежные ладони Хофера мягко касаются моего подбородка, в последствии чего по моим рукам прошёл заряд энергии, который непременно заставляет сердце биться чаще. Боже, что происходит? Он, медленно облизав губы языком по часовой стрелке, большим пальцем проводит по моим губам, отчего конечности становятся ватными. Каждый сантиметр моего тела ноет от желания и нетерпения слиться с брюнетом в одно целое...

Билл медленно наклоняется вперед, к моим устам, отчего я чувствую его мятное дыхание на лице, изредка переводя плотоядный взгляд на мои дрожащие веки.

Время остановилось на этом моменте... В горле свернулся клубочком воздух. Я напрягаюсь, стараясь не улыбаться, и в эту секунду наши уста соприкасаются, соединившись сперва в робком, затем в горячем смачном поцелуе. Волна жара окатила мою спину, превращая меня в мокрую тряпку; я чувствую, как пылают мои щеки, как дико стучит сердце в груди. Или же это Билла? Впрочем, разницы нет.

Он прижимает меня к себе, и я полностью оказываюсь в его власти, ни черта не соображая. Голову затуманило. Наш поцелуй длится уже долго, но мне все мало и мало, хочется, чтобы подобное длилось вечно. По вкусу его пухлые губы напоминают мятные печенья и почему-то молочный кок-

тейль из «Мокко», который я, разумеется, просто обожаю! Хофер умудряется укусить мою нижнюю губу, отчего я издаю слабый стон, нахмурив брови, но при этом не отстраняюсь от брюнета ни на шаг. Боже, пусть это длится вечно...

– Мне этого очень не хватало, – сквозь поцелуй выдыхает Билл.

Здесь я точно не в силах сдержаться, потому, словно идиотка, радостно смеюсь, положив руки на его твёрдую грудь, отдающую теплом.

– Трудный выдался денёк, да? – облизав губы, разделяю его усталость я.

Он кивнул, с трудом оторвав взгляд с моего лица и осмотрелся вокруг. Ох, мы так увлеклись, что не заметили, как солнце спряталось за горизонтом: наступили сумерки. За пару мгновений небо сменило несколько окрасов: от малинового к красному, а уже затем к темно-синему.

– Пора выдвигаться, – напомнил оборотень, – сегодня я без машины... Как насчёт вечерней прогулки в компании красавчика?

Беру в руки телефон и ключи от «Старого гнома», ощущая, что кровь ещё не успела отлить от моих щёк, потому они неистово горят, будто я нарушила все возможные и невозможные заповеди.

– Я-то не против, только, где найти красавчика?

– Ха-ха, смешно, – закатил глаза Билл, а я тем временем запирала дверь на ключ и негромко смеялась над глупой

шуткой.

Ветер прохладный, зябкий ласкал кожу. Уличные фонари освещают кварталы, а яркие вывески кафешек привлекают внимание разгуливающих парочек, которые громко и показушно смеются, то и дело периодически обмениваясь бактериями. Я так счастлива, что в этот момент со мной рядом Билл. Он делает мою жизнь лучше, приносит много света. Уверена, что не смогла бы и дня прожить, если в моей жизни вдруг его не стало. Черт, даже думать об этом больно!

Убрав вещи в сумку, я поворачиваюсь к высокому парню всем телом, поджав опухшие от поцелуя губы.

– Пошли? – сбросил тот брови ко лбу, отчего показались морщинки.

Какой-то шорох со стороны отвлекает моё внимание и заставляет напрячься. Хмурю брови, осматривая улицу, где народу становится меньше, поскольку основная масса ушла либо в парк, либо в «Мокко». Хорошо бы и нам свалить.

Молча беру Билла за руку, после чего мы направились вниз по кварталу, болтая о всякой чепухе.

Ветер не перестаёт лелеять мою кожу, играть с волосами, запутывая их.

Это так круто... Жить и не думать о смерти, о битвах, монстрах. Просто жить. Когда-то в прошлом меня часто обижали, но я ни один раз не позволяла в своей голове поселиться мысли, чтобы покончить с собой, потому что – это слабость. Нужно бороться. И посмотрите на меня сейчас. Я –

могущественная ведьма, которую мечтают поймать охотники, а только год назад все считали меня наркоманкой и сумасшедшей. До чего же непредсказуема жизнь.

Спустя время мы свернули за угол, где освещения почти не было, что очень странно. Центр города всегда полон света.

Хофер рассказывает о днях в университете, о том, какие там чокнутые люди и тонкие стены, но я его не слышу, ибо шум разбитого стекла под моими босоножками заслоняет остальные звуки мира. Это как мощный взрыв, после которого из твоих ушей льется кровь.

В недоумении поднимаю олову вверх и изучаю, по крайней мере, пытаюсь, фонарные столбы. Ещё темно не так сильно и фигурки возможно различить, поэтому я использую эту возможность в своих целях. Так... Щурюсь со всей мочи, чтобы разглядеть хоть что-нибудь, и мне, слова Богу, удаётся. Лампочки разбиты. Все до единого. Не успеваю подумать о дурном, как позади нас с Биллом раздаётся звучание, напоминавшее быстрый бег, затем слева, потом справа. Кажется, нас кто-то окружил.

Сердце ушло в пятки, а в голове пронеслась мысль: нас нагнали охотники! Господи!

– Билл... – чужим голосом протянула я, замертво вцепившись в рукав его темно-синего пиджака.

Ему объяснять ничего не пришлось – он все понял, потому стоял смирно и тихо. Кто бы это ни был, ждали именно нас.

Живой людской смех, цоканье бокалов, шум тормозов автомобилей осталось за углом, здесь совсем иной мир – темный и холодный.

Я слышу чье-то дыхание неподалёку от себя и понимаю, что, если ничего не предпринять, нас схватят.

– Будь готова, – шепнул мне на ухо оборотень, ошпарив своим дыханием.

Душу перевернули наизнанку, а в сердце вкололи какое-то средство, типа энергетика. Ну, мне так казалось. По спине льётся холодный пот, а живот предательски урчит от страха.

За считанные секунды успело стемнеть, и в полумраке я еле разбираю очертания окружающего пейзажа, но не смотря на это, мне удалось заметить перевоплощение обычных ногтей Хофера в длиннющие и острые когти. Ого. Раньше никогда не замечала подобного... Внезапно раздался грозный рык – сигнал! – надо действовать. Один. Два. Три. Три. Два. Один.

– Спленедия лумина! – завопила во всю я.

Яркая вспышка света разорвала тьму, отчего пришлось спрятать глаза, поскольку луч был такой невероятной мощи, точно сотни прожекторов направили прямо на нас.

Чувствую движение рядом с собой – оборотень успел обернуться и заслонить меня массивным телосложением. Все происходит в замедленной съёмке: тени, рычание, удар... Шестое чувство приказывает открыть глаза и сражаться, но мне так хочется просто испариться или стать облаком. Охот-

ники пришли за мной, мы проиграли. Снова шум.

Привыкнув к свету в руке, я поочередно раскрываю глаза и осматриваюсь вокруг, застав перед собой трёх парней, что яростно буравят нас взглядом и выпускают злой рык. Их кожа полна черно-синих трещин, глаза налиты кровью, а огромная пасть снабжена двумя громадными клыками. Боже правый, это ведь... вампиры. Я пристально изучаю каждого из них, и правда даёт мне смачную пощёчину. Перед носом стоит тот самый взрослый мужчина, который заходил сегодня в «Старый гном»: ирландец с акцентом и ямочками на щеках. О мой Бог! Значит, он приходил обо всем разведать...

Воздух свернулся в легких, а глаза начали гореть. Ирландец выпустил злую улыбку, видимо, понял, что я его узнала. Подонок!

Затем моё внимание привлекает четвёртая фигура, которая стоит позади трёх вампиров.

Парень в чёрном, вытянув руки к земле, выпускает агатовый дым из кончиков пальцев и читает шепотом заклинание. Происходящее ошарашивает меня. Откуда он здесь взялся? Боже, ну и денек!

Оборотень с рычанием прикрывает меня массивной лапой и шипит то ли на врагов, то ли на Балдуина Блэка, который своим чёрным туманом (или дымом, черт его знает) отравляет организм вампиров. Один упырь стал громко орать, упав на колени, сдирая с себя кожу. Это выглядело... жутко и

мерзко. Его кожа словно горит или чешется, а он всеми силами пытается избавиться от этого чувства. Крики и стоны были такими мощными, что я испугалась излишнего любопытства людей, но нас никто не слышал и не замечал. Прохожие проходили мимо, ни о чем не подозревая. Смотря на этот смоляной туман, творящий с вампиром непонятно что, я подумала про себя: «Так вот оно какое, темное колдовство».

Выражение лица Балдуина бесчувственное, он даже не косится в сторону умирающего в мучениях вампира. Двое остальных бессмертных с шоком наблюдали за смертью товарища, нахмутив то ли от страха, то ли от жалости брови. Все были заморожены данным зрелищем, не в силах что-нибудь произнести. Это феноменально...

Моргаю несколько раз и выхожу вперёд, выставив руку на кровососов.

– Кто вы такие? – дерзко выплюнула я, сверкнув глазами.

Тепло разлилось по моим рукам, поступая к пальцам. Давно я не дралась с вампирами, с тех самых пор, как превратила Амелию Элизабет Крамер в ничто.

Оборотень хищно оскалил морду и угрожающего посмотрел своими жёлтыми глазами на одного из гостей. Но те молчали. Так сильно испугались? Маг за спинами вампиров сделал шаг ко мне навстречу, довольно хмыкая.

– Кажется, вам задали вопрос. Будете и дальше молчать? Первый уже получил своё, теперь черёд второго? Ладно... – шупальца чёрного тумана подобно змеям ползут к другому

монстру.

– Стой! – выпалил упырь с рванными джинсами и короткой стрижкой.

Стало тихо. Крики прекратились, и бездыханный вампир упал на бордюр, с разодранным до черепа лицом. От такого месива я мигом отвернула голову, пытаясь избивать свою память от изображения увиденного. Кошмар!

Туман под ногами мага исчез, и вампиры немного успокоились.

– Говорите, – повелительно кивнул Блэк.

Смотрю на него и чувствую... страх. Неужели он способен на такие страшные вещи? Темная магия и вправду отвратительна.

Меж тем, Билл превращается в человека и выпрямляет плечи, сверля взглядом собравшихся, кроме меня, конечно.

– Мы пришли за ней, – указал взглядом на меня второй вампир, ирландец с карими глазами и длинными рыжими волосами.

Вот мерзавец!

На удивление, я отреагировала на это заявление спокойно, наверное, из-за того, что подобное – обычное дело. Я знала, что рано или поздно, но за мной придут. Ничего не могу произнести. Мой словарный запас исчерпался, я будто разучилась говорить.

– Зачем? Кто вас послал? – слегка занервничал Хофер, и это заметила не только я.

Вампиры заткнули рты и опустили глаза. Как же чешутся руки поотрывать им головы.

– Что, языки проглотили? – крикнула я, теряя самообладание.

– Мы не какие-то псы, чтобы нас посылали... – обижено и раздраженно ответил парень в джинсах. – За неё дают награду.

С ума сойти. Ушам своим не верю.

– Кто?

Снова тишина. Чародей нетерпеливо выдохнул, и вены на его шее раздулись.

– Нам надоело ждать! Я спрашиваю, кто?! – рывкает черноволосый, отчего все аж встрепенулись.

Теперь мне открылась иная сторона Балдуина, а именно – темная. Он правда бывает таким холодным и жутким?

– Охотники. Они устроили ловлю на некую Марго Ван де Шмидт, известную, как ведьму из рода Мэнтл. Тот, кто найдёт её, будет щедро вознаграждён – охотники пощадят того человека, и его род не станут убивать.

На слова упыря Балдуин громко и звонко рассмеялся. Это был чистый смех, не злой, но никто недоумевал, чем он вызван.

И вправду, как Блэк может смеяться, когда на меня устроили охоту?! Черт возьми, я сейчас в обморок упаду! Чувствую себя крохотным зайчиком, которого пытаются догнать безжалостные гончие псы. Билл стоит столбом, взвешивая

каждое слово. Его глаза панически бегают туда-сюда, поскольку он переживает за мою жизнь. Черт возьми...

Не желая верить в происходящее, хватаюсь за свои красные волосы и шумно выдыхаю через рот. На меня. Ведут. Охоту. Мы что, в XVIII веке? Что происходит?

– Глупцы! – продолжает смеяться Балдуин. – Охотники никогда не даруют вам жизни. Как только вы приведёте к ним Марго, они сразу же вас прикончат. Такие, как они, не оставляют нас в живых. Они не держат своё слово.

И невооружённым глазом видно, как сильно слова мага повлияли на вампиров. Они потемнели в лице и больше не горели желанием напасть на нас. Их надежда угасла на наших глазах.

Я верю Балдуину. Судя по выдрессированной Жизель Коггери, охотники те ещё сволочи.

– Откуда вы узнали, где живет Марго? – вдруг громко спросил Хофер, слегка прищутив глаза.

Ха, точно. До этой секунды вообще не думала об этом. Откуда? Я пристально слежу за движениями отчаявшихся упырей и играюсь со своими пальцами, потому что нервничаю.

Ирландец покосился в мою сторону, после чего поднял взгляд на сына мэра.

– Мы знали Феникса Олсона. Тогда он ещё был проездом в Лос-Анджелесе, там мы и познакомились. Часто вместе напивались. Он и рассказал, что направляется в городок под названием Салли Хилл, чтобы поквитаться с ведьмой Марго,

чьи предки отняли его «сокровище». А когда поползли слухи, что охотники щедро вознаграждают за какую-то Марго, мы сразу поняли что к чему.

Слушая их, я каждую миллисекунду то бледнела, то краснела, то зеленела. Чёртовый Феникс, всегда много трепал своим долбаным языком. Даже сдохнув, все равно досажда-ет мне.

Балдуин хмыкнул и облизал сухие губы, скрестив руки на груди.

– Что ж, вы знаете, где Феникс Олсон находится сейчас? – фальшиво улыбнулся Билл, немедленно продолжив: – В могиле.

– И что же нам с вами делать? – выдохнув, обратился к вампирам Блэк, глядя в пустоту.

Мертвая тишина. Думаю, это был риторический вопрос.

– Дайте нам уйти и вы больше никогда нас не увидите. Честное слово! – взвыл упырь в рванных джинсах, а рыже-волосый его поддержал.

Чернокнижник долго молчит, Хофер искренне смеётся над простодушием кровососов. Одна я молчу в тряпочку и мечтаю об отпуске.

– К сожалению, отпустить мы вас не можем... Вы слишком много знаете, – хищно улыбнулся маг.

Под его ногами повторно появился туман, после чего «змеи» поползли в сторону рыжего вампира, который пытался убежать, но я остановила его, разжижая мозги. Мое лю-

бимое заклинание. Второй, видя это страшное зрелище, пытался дать деру, бросив друга, однако, к его несчастью, Хофер, высоко прыгнув, приземляется прямо перед ним и спокойно хватает кровососа за шею.

– Стойте, не надо, мы вам можем помочь! – хрипит вампир в хватке Билла, но никто его и слышать не желает.

Туман Балдуина потихоньку охватывает ноги упырей, и те ещё больше начинают молить о пощаде.

Затем наступила стадия отчаяния.

– Они найдут её! Все равно найдут и прихлопнут! Думаете, вы такие умные? Охотники убьют вас всех, а её они будут убивать медленно, высасывая всю силу! Вам не спастись!.. – орет во все горло ирландец.

Брюнет закатил глаза и сильно пнул его ногой по рёбрам:

– Закрой свою пасть, ублюдок. Так ты только растягиваешь свою смерть.

Я стою и наблюдаю над этим судом, выслушивая проклятия в свою сторону, разные ужасы, от которых хотелось испустить дух.

Чёрный густой туман поедает вампиров, и крики наконец-то прекратились, однако на сердце все ещё беспокойно.

Они правы – смерть придёт за мной, захватив под руку моих друзей и родных. Боже, что же делать? Подобное слишком ужасно...

Видя мой отстранённый вид, Билл немедля подходит ко мне и обнимает, положив свой подбородок на мою макушку

головы. Только не плакать. Я сильная. Один. Два. Три. Три. Два. Один.

– Охотники найдут меня... – севшим голосом прохрипела я, смотря на тлеющие от огня тела сумеречных существ.

Странно, что до сих пор ни один человек нас не заметил. Полагаю, здесь не обошлось без вмешательства мага.

Двухметровый Хофер прижал меня плотнее, чмокнув мою макушку.

– Они тебя не получают, – он так уверенно это произнёс, что на секунду я ему поверила.

– Марго, – окликнул меня Балдуин, и я обернулась, – есть только один способ спастись. Нужно найти лекарство.

Слова мага с трудом доходят до меня. Лекарство?

– Но разве оно существует? Ты сам говорил... – фыркает в негодовании Билл.

– Я знаю, что говорил, парень, – отрезал тот, – но везде и всегда есть лазейка. Возможно, оно и не существует в нашем представлении, а что насчёт самих охотников? Многие ни один раз задумывались об этом. Несколько столетий назад ходили слухи, что противоядие существует, просто его хорошо прячут.

Безумие! Почему в сумеречном мире так много противоречий?

– То есть, хочешь сказать, что лекарство существует? – с недоверием прищурился брюнет.

– Престо! Да, именно так.

Значит, нам нужно найти информацию о противоядии? Но где и как? Это тоже самое, что пальцем в небо тукнуть – нет сто процентных гарантий хорошего результата.

Мы молчим. Каждый думает о своём и никто не хочет что-либо произносить. Во всяком случае, мне так казалось...

– Откуда ты вообще здесь взялся? Ты следил за нами? – выпалил оборотень.

Поднимаю глаза на мага и замираю. Мне и самой, если честно, любопытно.

– Не совсем. Я правда приходил в «Старый гном», но Марго там не было, затем я увидел ваши силуэты и решил догнать. Думаю, я появился весьма кстати.

Послышалось фырканье. Вдали доносятся сирены скорой помощи, голоса людей. Господи, я и забыла, что нахожусь в центре Салли Хилл.

– Мы бы и без тебя справились, Мерлин.

– Зачту это за «спасибо», Билл.

Они отвели свои взгляды, и напряжение спало, однако я чувствовала себя использованной салфеткой.

Видение

Пахло лаком.

Я отстранённо смотрю перед собой, пытаюсь укротить собственное сердце, как дикую лань, но оно не поддаётся – капризничает.

Перед глазами двоится, изображение нечёткое, будто человечество лишено фокуса. Этот факт, признаюсь, напугал меня, тем не менее, все встало на свои места, когда Сесилия присела за стол. Я вернулась в свой любимый прежний «Старый гном», где порой мелькал аромат бабушкиных отваров и мятных пряников. Здесь все также, как было до смерти бабули, отчего душа моя наливается теплом и приятными воспоминаниями. Те же стены, те же полки со всякими баночками и склянками, та же атмосфера таинственности... Бабушка разливает горячий чай, и помещение наполняется ароматом фруктов. Это божественно!

Сесилия выглядит сосредоточенно и спокойно. Её уголки рта подняты вверх, но она не улыбается и не смотрит на меня – только на струю чая, пар которого окутал мое лицо, в последствии чего кожа распарилась, покрывшись кристалликами пота.

– Я очень скучаю по таким посиделкам, – пожаловалась я мертвой ведьме, улыбнувшись глазами.

Голос мой звучал необычно, будто под водой, словно... в вакууме.

Бабушка, наконец, разливает чай и себе, а после убирает чайник в сторону, выдыхая полной грудью. Она с тоской смотрит на меня и грустно хмурит брови, точно мне удалось где-нибудь снова напортачить. Однако я ничего не делала. Вроде бы.

Мне очень хочется спросить её про охотников, о лекарстве. Мне нужна бабушкина помощь, но, думаю, ведьме об этом известно, ведь мёртвые наблюдают за нами. Тем не менее, Сесилия не спешит раскрывать карты. Это удручало.

Отпиваю глоток фруктового чая и прячу глаза, ощущая, как по ногам и рукам бегут мурашки. Странно. Да ещё и вдобавок Сесилия молчит, будто ей рот зашили.

Молчание позволяет мне воспользоваться затянувшейся паузой и изучить внешний вид пожилой женщины: кожа бледная и морщинистая, похожая на потрескавшуюся глину в жаркий день. В глазах отсутствует жизнь – кажется, что в них блуждает с воем ветер. Глядя на Сесилию, можно сказать, что после смерти люди все равно продолжают стареть. Нормально ли это?

Внезапно бабушка достаёт откуда-то сервиз с восхитительными яблоками и кладёт на центр стола. Фрукты прекрасные: свежие, спелые и сочные. Аж аппетит разыгрался. Она смотрит мне в глаза, затем кивает на яблоки. Хочет, чтобы я съела. Ну, окей, здесь меня уговорить долго не придёт-

ся.

Я смотрю на маленькую пирамиду из красных яблок, в которых видно мое отражение и взором ищу самую лучшую, поскольку очень брезглива и достаточно капризна (спасибо за это тетушке Бри, у которой характер, мягко говоря, жгучая крапива).

К моему счастью, все фрукты хороши. Причмокнув, беру яблоко в руку и не мешкая откусываю небольшой кусочек, ощущая, как льётся по языку сладкий сок нектара. Вкусностица. Бабушка сложила губы в невидимую полосу и сделалась совсем серьёзной, а её кисти опустились на край стола. Вдруг вкус во рту меняется... Если ещё мгновение назад мой язык находился в эйфории, то сейчас мне хочется блевать.

Лицо в сию секунду скорчилось от омерзения. Я резко выплевываю содержимое в сторону, влажно кашляя от отвращения, отчего к глазам даже подступили слезы. Очи застают картину, как изо рта падают откушанные личинки и отдельные части червей, энергично бьющихся в конвульсиях в слизи. Господи Иисусе!.. Во рту мерзопакостный привкус, от которого появляется рвотный позыв, но к моему везению, я сдерживаюсь, старательно игнорируя спазм в желудке. Вот дерьмо...

Выпрямив спину, бросаю растерянный взор на откушанное яблоко и вижу... Черт возьми... Оно полностью червивое! Я, застигнутая врасплох, громко вскрикнула и выбросила фрукт прочь, судорожно выпуская воздух из лёгких.

В «Старом гноме» стало темнее: освещение работало только над нашим столиком. Испуганно смотрю на бесцветное выражение лица Сесилии и паникую ещё пуще. Какой ужас, что происходит?!

– Вот, что с тобой будет, если ты не перестанешь крутиться около темной магии, – с ненавистью в глазах сказала бабушка.

Я держусь за живот и медленно качаю головой. Все это шоу только из-за силы Балдуина? Меня начинает тошнить.

– Я же не сделала ничего плохого! Я не использую темные силы! – сморщив от боли в желудке нос, отвечаю я.

Ведьма покидает стол и статно подходит ко мне. Она словно не моя бабушка, а какая-нибудь там незнакомая женщина. Неужели смерть так меняет людей? Отбирает у них все чувства.

– Если ты станешь темной ведьмой, то перед тобой навсегда закроются двери родового гнезда. Ты будешь изгнана из шабаша, Марго, – чеканя каждую букву, объясняет Сесилия.

О, нет! Это слишком суровое наказание. Если меня прогонят, я буду всю оставшуюся вечность скитаться в темноте, без надежды обрести покой. Сглатываю кислый комок с привкусом внутренностей червей в горле.

– Я никогда не стану темной ведьмой, бабушка. Это абсурд, – заверил мой тонкий голос.

Женщина нежно погладила меня по голове, а затем прошептала:

– Ты можешь обмануть меня, но никогда, запомни, дорогая, никогда не лги себе...

И резко становится темно, затем снова светло, а бабушкина рука больше не гладит мои волосы. Я согнулась от боли животе и мгновенно упала на пол, чувствуя приближение рвоты по своему пищеводу.

Не успеваю и глазом моргнуть, как из меня вырывается чёрная жижа, в которой барахтаются дождевые черви и белые личинки. Катастрофа!.. Я смотрю на эту чудовищную сцену, и сознание начинает покидать меня. Стены идут ходуном, мир исчезает... Падаю на спину, ощутив острую боль в позвоночнике и немедленно отключаюсь, или точнее, просыпаюсь...

* * *

Обычная человеческая жизнь полна обычных хлопот: встаёшь с утра пораньше, готовишь завтрак, будешь детей, целуешь на прощание мужа и убегаешь на работу. Ты думаешь о том, как не вырвать волосы какой-нибудь стерве за её поганый язык, переживаешь из-за плохой успеваемости детей в школе, рассуждаешь про себя, что приготовить на ужин сегодня: цыплёнок или рис?

Смотря на такую жизнь, я с лёгкостью могу признаться, что подобное будущее мне не нравится. Я не хочу замуж, не хочу рутинную работу. Это все не для меня. С детства мне хотелось только одного – путешествовать, но по сути, дальше

нашего штата я нигде не бывала. Возможно, лет через пять-шесть, я наконец исполню свою мечту, если, конечно, меня не прикончат. Салли Хилл – минное поле. Сделаешь что-то не так, и твои останки загрызут волки. Весело, не так ли?

Жизнь – дорога, полная преград. Ты либо проходишь все испытания, либо теряешься на половине пути. Но в особенности ужасней та дорога, которая проходит по улицам Салли Хилл. Боже, ещё совсем недавно я искала след оборотня в лесу, а, если капнуть глубже, то ссорилась с родителями, состояла в «братстве» готов, тусила на кладбище и ждала дату выхода нового сезона любимого сериала. Мою жизнь будто разделили на две части. Прошёл один год, а такое ощущение, пожалуй, что вечность.

Слова бабушки не дают мне покоя. Право, она умеет эффектно преподнести правду, от которой до сих пор желудок сводит.

Я лежу у себя дома на диване, в полной тишине и наслаждаюсь спокойными секундами своей жизни. Как это, оказывается, приятно. Уже целый час листаю фотоплётку в телефоне, просматривая фотографии с прошлого года по середину августа. Сердце сжимается тысячекратно, в глазах щиплет, будто в них выстрелили моющим средством.

Вот мы с Генри и Биллом сидим за нашим обычным столиком в «Мокко» и уплетаем пиццу. Это тот день, когда мы нашли глыбу с надписями на латинском. Такие счастливые, ещё не постигшие боли утраты... Вот мы с Биллом сидим в

обнимку и корчим рожицы: у меня высунут язык, зелёный, из-за m&m's, а у Билла раздуты ноздри и плотно сжаты губы. Он очень похож на обезьянку, улётный кадр. Невольно улыбаюсь от этой картины. Боже, почему так больно?.. Почему все прекрасное остаётся позади, ведь мы толком этого не ценили. Мы не замечаем хорошие моменты, пропуская через себя одну только боль и обиду. Слишком гордые, слишком глупые... Я прикусываю нижнюю губу и нахожу силы листать фотографии дальше. Теперь передо мной снимок с Ридлом и Хофером на Хеллоуин: парни держат в руках бокалы виски и строят кокетливые рожицы, будто они только что подписали контракт с известными компаниями. Билл одет в костюм пирата, а блондин стоит в костюме Шерлока Хомса. Угадайте, кем была я? Ведьмой? Ха, мимо! Я вырядилась мертвой невестой, потому что мне очень нравится мультфильм Тима Бертона. У меня даже фата была. Господи, какое же это было замечательное время... Если бы только я могла вернуться назад и все исправить, предвидеть неудачи, остановить череду смертей...

Дохожу до какого-то видео, снятое в ночь Хеллоуина. Странно, раньше мне оно не попадалось на глаза. Не теряя времени нажимаю на экран и выпрямляюсь, сгорая от нетерпения посмотреть его.

– Редкий кадр, дорогие телезрители, – невнятным и весёлым голосом говорит Билл, который ужасно трясёт камеру, будто находится в стиральной машине.

Толком ничего не удаётся разобрать: это точно центральный парк. Повсюду гирлянды, украшения, люди и громкая музыка в стиле рока. Я начинаю смеяться, заметив в кадре себя и Генри. Мы прыгаем под музыку, всячески тряся головой и размахивая руками. Ужас, это просто позор.

– Перед вами худшие танцоры века... нет, – смеётся Хофер, приближая камеру к нашим красным лицам, – ты-ся-че-ле-тия! Эй, бостонский фрик, скажи что-нибудь нашим фанатам!

Блондин начинает громко хохотать толкая парня с телефоном, отчего тот шатается, но не падает, сохранив равновесие.

– Пошёл ты к черту, козел. Посмотри на Марго и заткнись!

После слов Ридла, камера направляется в мою сторону, отчётливо показывая мои неудачные попытки пройти лунной походкой. На видео я вся красная, потная и в стельку пьяная.

– Марго, ты такая грациозная... У тебя талант, – живо смеётся Билл, заслонив фокус своим пальцем.

– Эй, это что, мой телефон? Дай сюда, придурок! Я тебе не разрешала! – и тогдашняя Марго Ван де Шмидт начинает активно бороться с двухметровым брюнетом, прыгая и щипая нахала.

Раздаётся громкий смех и мой визг, а затем съемка останавливается на моем потном лице с прикрытым левым глазом и раскрытым ртом.

Вот и все. В груди резко похолодело, отчего мне стало неудобно в миллион раз. Пытаясь ответить на свои терзания, я всё-таки сдаюсь и набираю номер.

Один гудок... два... три... Он не отвечал мне столько недель и даже не перезванивал, разве может что-то измениться сейчас? Четыре...

– Привет, – я мигом вскочила на ноги, – вы звоните Генри Ридлу, но, судя по всему, я сейчас не могу ответить на ваш звонок, просто оставьте сообщение на голосовую почту, и когда-нибудь я вам перезвоню.

Эйфория сразу проходит, и я мысленно даю себе подзатыльник. Черт возьми, почему он не отвечает? Прошло достаточно времени, Ридл не может быть настолько занятым. Хотя, наверное, он поступил в колледж и живет обычной человеческой жизнью, которую заслужил? Бросаю телефон на диван и громко выдыхаю.

Наверное, он сменил номер. Да, точно, дело только в этом. От гнетущих мыслей меня отвлекает дверной звонок. Билл обещал зайти, скорее всего, это он. Однако, на удивление, это был другой человек...

– Балдуин? Привет, – оглянулась я по сторонам, думая, не пришла ли с ним его подруга.

Он абсолютно один. Маг широко улыбается и пожимает плечами. На нем чёрная майка с треугольным вырезом и тёмные джинсы, на ногах кожаная обувь. С чего бы это вдруг ему заявляться ко мне домой? В памяти всплывают обрыв-

ки из сегодняшней беседы с Сесилией. Она против союза с темным магом...

– Тебя не было в «Старом гноме», вот я и пришёл сюда. Можно?

– Разумеется. Проходи, – я пропускаю гостя в свой дом и закрываю за нами дверь.

Хорошо, что родители сейчас на работе, иначе пришлось три часа объяснять маме, что я не ссорилась с Биллом, а Балдуин не мой любовник.

Чернокнижник разувает обувь и с улыбкой оглядывает гостиную, присаживаясь на диван. Билл точно осатанеет, узнав с кем я сейчас разговариваю...

– Уютный у тебя домик. Уже наложила «неприкосновенность» на него с родителями?

Ох, дерьмо. Из головы вылетело. Я виновато морщу нос и громко цыкаю, и маг все понимает без слов. Надо обязательно обезопасить маму с папой, ибо монстры могут напасть и на них, чтобы шантажировать.

– Вечером займусь этим. А где Тереза? – спросила я только, чтобы поддержать разговор.

Балдуин поудобнее раскинулся на мебели и внимательно разглядел меня с ног до головы. Его зрачок расширился, а голубые глаза стали зеркальными.

– Охотится. В последнее время у неё проблемы с гневом. Я громко фыркаю, скрестив руки на груди.

– В последнее время? Мне казалось, что она с рождения

такая больная.

По-моему, мои слова задели Блэка, поскольку он поджал губы и наклонил голову вниз. Чувствую неловкость и желание сменить тему.

– Не говори так, пожалуйста. Ты не знаешь Теру, она через многое прошла.

Сажусь рядом с ним на диван и складываю руку на коленях.

Да, иногда я могу быть несправедливой по отношению к другим людям, совсем забывая, что у них тоже есть своя история. Мы можем выкинуть что-то плохое, не давая себе отсчёт, а другим бывает плохо из-за наших поступков. Обидные слова, как кипятик – ошпарившись, ты будешь помнить об этом вечно.

– Может, тогда введёшь меня в курс дела, а я постараюсь мягче относиться к твоей неменяемой подружке?

Балдуин задумчиво скривил рот, слабо улыбаясь, и отвернул шею в сторону. Говорить о чужих тайнах всегда легче, чем о своих, наверное, поэтому мы так любим послушать сплетни. Подобным образом мы утешаемся.

– Я знаю Терезу с детства – мы выросли в одном приюте. Мои родители погибли при сильном пожаре, а родители Терезы бросили её после того, как выяснилось, что она не человек. Вообще-то, как рассказывала сама Тера, они не биологические её родители – она подкидыш. Мне было одиннадцать, когда я с ней познакомился, и после этого мы ни-

когда не расставались друг с другом, дав клятву защищать. Она стала мне семьёй и другом. В приюте Теру часто травили сверстники из-за некоторых странностей. Потом её начали бояться и избегать, взрослые запирали Терезу по ночам в подсобке, а когда нам исполнилось восемнадцать, нас вышвырнули. Сперва меня, ведь я старше неё на два года...

– Сколько же тебе лет? – спросила я, сглотнув горький комок в горле. История тронула меня до глубины души. Теперь ясно почему Тереза так плохо сходится с людьми – они над ней издевались.

– Двадцать три. Эй, не удивляйся так, я ещё молод, – боднул меня локтем Балдуин, заметив моё вытянутое от удивления лицо.

Поспешно поднимаю руки вверх, показывая, что сдаюсь. Он обнажил жемчужные зубы в улыбке и слегка покачал головой.

Ничего себе! Ему двадцать три года, а мне казалось, что, максимум, двадцать. Билл голову потеряет, когда узнает об этом.

– Затем мы начали жить обычной жизнью, хоть это было и непросто. Наша сущность всегда напоминала о себе. Я то принял себя, но вот Тера... Она всячески пыталась избавиться от оборотня внутри, потому что считала, что именно в этом кроется причина всех её несчастий. Даже договаривалась с ведьмами об «изгнании», однако эти тщетные попытки привели только к одному – к гневу. У Терезы пробле-

мы с психикой, часто бывают панические атаки и приступы. Поэтому злить её – дурная идея. У Теры нет никого, кроме меня. Даже Джонатан покинул нас...

Да уж, судьбе волчицы нельзя позавидовать. Это настоящий ад, ведь рядом нет ни близких, ни друзей, никого, один только чернокнижник. Теперь понятно почему она так отчаянно защищает Блэка и все время злится. С одной стороны девушку понять и пожалеть можно, но с другой... Почему она на меня взъелась? Я ничего обратного не сделала! Похоже, это ещё одна загадка, которую мне предстоит разгадать.

Я понимающе смотрю на профиль Балдуина и осторожно кладу руку на его плечо, показывая свою поддержку и сочувствие.

Отныне мне вправду стоит с понимаем относиться к волчице, не обращать внимания на придирки и злые шутки.

Через считанные секунды лицо мага вновь озарилось улыбкой, и он глубоко вздохнул, выпрямив спину. Убираю руку с его плеча и неловко сглатываю.

– Зачем же я пришёл... Нельзя сидеть сложа руки. Про лекарство говорить совсем мало, про письменность лучше молчать... Пока охотники не нагрязнули в Салли Хилл, предлагаю тебе попрактиковаться в магии. Нужно быть готовыми к встрече. Ты много знаешь заклинаний?

От пристального взгляда чернокнижника, полного надежд, я хмурю брови и ощущаю себя неопытной ведьмой.

На самом деле, я ровным счетом ничего не знаю, так де-

сять-двадцать боевых заклинаний. Так не годится. Балдуин читает меня, как раскрытую книгу и огорчено вздыхает.

– Да, так дело не пойдёт. Тебе нужно учиться, – он осматривает гостиную, точно что-то ищет, после его взгляд замирает на комнатном цветке, – начнём с простейшего. Знаешь, лес весьма полезен ведьмам. Ты когда-нибудь спорила с упёртым дубом?

Еле заметно качаю головой:

– Не понимаю...

Я представления не имела, что существует возможность говорить с флорой! Сесилия как всегда скрыла от меня этот факт. Может, в этом причина её негодования? Она боится, что, подружившись с Блэком, я узнаю множество секретов?

– Урок первый: извлекай от окружающего тебя мира больше пользы. Пойдём, практика – залог успеха каждого сверхъестественного существа.

Мы тотчас покидает диван и направляемся в сторону двери. Балдуин принялся обуваться, энергично завязывая шнурки, а я пыталась в это время разобраться в своих мыслях. Стоп.

– Эта магия требует тёмного колдовства? – посмотрела я на Блэка, и тот остановился.

Чародей, словно в замедленной съёмке, оборачивается ко мне всем телом и смотрит с недопониманием и некой обидой. Его брови опущены, взгляд прищурен, а губы застыли в кривой усмешке.

– Марго, не все, что я делаю, происходит за счёт темной магии. Природа – нейтральная зона. Она принимает и светлую магию, и темное колдовство. Ты просто попробуешь выяснить что-нибудь полезное у леса. Вот и все, – мягко объяснил мне Балдуин, облизав нижнюю губу.

Щеки почему-то горят. Хочется сквозь землю провалиться от своего неукротимого пыла.

Я постоянно зарекаюсь о темной магии, будто это самое ужасное, что есть на свете. Блэк наверняка считает меня задирой, которая, кроме своих сил не признает ничего. Но это заблуждение! Просто слова Сесилии преследуют меня по пятам, они глубоко впитались в мои мысли и управляют мной. Никакая ведьма после смерти не захочет вечность блуждать в темноте; любая желает оказаться рядом со своими предками, охранять гнездо, помогать будущему поколению. Это и есть жизнь после смерти.

– Готова? – обратился ко мне маг и, не дожидаясь ответа, берёт за руку, а затем переносит нас по щелчку пальцев прямо в чашу.

* * *

Мы переместились на небольшой холм, окружённый сотней высоких сосен и другой листвой.

Земля влажная, можно легко поскользнуться и покатиться кубарем в колючки или ещё хуже – упасть на острые камни, вскрыв себе брюхо. В воздухе отдает мхом и мокрой дре-

весиной. Ветви деревьев слабо качаются от ветра, разнося хвойный запах по всему лесу.

Балдуин, коснувшись ладонью до ствола одного из деревьев, прикрыл веки и что-то прошептал.

Господи, он старше меня всего на пару лет, а выглядит во время колдовства таким опытным и сосредоточенным, из-за чего мне кажется, будто я его тень. От того, что я одна из могущественных ведьм, мир не меняется, надо учиться и практиковаться; увы без бабушки все гораздо сложнее...

Наконец, Блэк отрывается от дерева и снимает с себя легкую чёрную плащевку, повесив её на ветку.

– Подойди ко мне, – поманил он меня рукой и посмотрел на ствол сосны.

Неуверенными шагами приближаюсь к магу, чувствуя жар в груди, и с недоверием таращусь на обычное дерево. Оно такое высокое и старое...

– Положи свою руку на кору, сюда, – Балдуин берет мою ладонь и бережно кладёт её на шершавую поверхность сосны, я почувствовала мурашки, – сейчас самое главное. Соберись, откинь все мысли прочь. Сконцентрируйся только на желании услышать голос дерева. Поняла?

Балдуин приблизился ко мне со спины вплотную, и именно по этой причине его тёплое свежее дыхание обжигает мое ухо.

Уверенно киваю ему и прикрываю веки, концентрируясь на поставленной задаче, видя перед собой одну темноту.

Моя ладонь чувствует безобидное тепло, которое проносится по всему телу, словно кто-то дунул мне горячим воздухом в лицо.

Пение птиц, шелест листьев, собственное сердцебиение осталось позади. Абсолютная тишина, как покрывало укутала меня, благодаря этому мне показалось, что я оглохла или исчезла, или переместилась в никуда. Мои волосы путает ветер, играясь с прядями, дёргая их, запутывая: они раскрылись подобно вееру и принялись блестеть на свету, переливаясь рубиновым цветом.

Один. Два. Три. Три. Два. Один.

Чей-то шепот... Я чувствую, как до моей ноги касается что-то черствое и приобнимает её, толкая вперёд. Что за?.. Теперь же касаются спины, рук, а затем происходит нечто необычное. Меня толкают в сторону, и я резко открываю глаза. Темнота. Запах смолы и дерева. Бог. Мой. Я нахожусь внутри сосны!

Паника накрывает меня с головы до ног, впоследствии мои руки автоматически начинают нащупывать кору, пытаюсь протиснуться сквозь нее обратно, наружу. Боже, Боже! Дышать стало трудно, все тело налито свинцом.

– Что происходит? – судорожно выдыхая, спрашиваю я.

Сердце разрывается в груди, ноги обмякли. Господи, ничего не понимаю! Истерика сковывает меня, как тугие веревки пойманное животного.

– Успокойся... Ты должна взять себя в руки, не сопротив-

ляйся, – отрывисто доходят до меня слова Балдуина откуда-то издалека.

Услышав знакомый голос, мне становится чуть спокойней, я выпрямляюсь и держусь за голову. Тише, все хорошо. Это иллюзия. Здесь ничего нереально. Один. Два. Три. Три. Два. Один.

Сердце постепенно стало успокаиваться, кровь больше не стучит в висках. Закрываю глаза и сосредотачиваюсь. Голоса. Много голосов. Бам – и тишина.

Слышу кончиком носа смердящий запах гнили и крови. Надеюсь, это пахнет не от меня...

В это же мгновение, широко распахнув веки, я нахожу перед собой иной мир. В хаотичном порядке стоят ели, орешники, папоротники и много другой растительности. Но меня пугает и сбивает с ног, в буквальном смысле, нечто другое... Рот так и остался открытым, а глаза наполняются слезами. Я падаю на хлюпающую землю и судорожно выдыхаю, как будто у меня началась паническая атака. Хотя, уже ни в чем не уверена. На каждом дереве повешены три-четыре женщины с бело-синей кожей, белыми глазными яблоками и разорванной одеждой. У некоторых раскрыт в крике рот с кривыми или гнилыми зубами, у других отсутствует язык либо глаза, остальные же испачканы кровью. Эти женщины заполнили собой весь лес, словно они неотделимая часть природы.

К горлу подбирается комок, но я всей силой стараюсь не выпустить овсяную кашу наружу. Это... кошмарное веде-

ние. Горячие дорожки слез щиплют мои щёки, а под рёбрами громко стучит: бам-бам-бам-бам-бам. Без промедления под моими ладонями что-то булькает. Я кое-как отворачиваю взор от повешенных женщин и с недоумением всматриваюсь на свои руки. Твою мать! С криком прыгаю на ноги и вытираю свои руки об кофту. Всю землю затопило грязно-красное море крови, которое мерзко булькает, подобно копящему маслу. Пузыри жидкости медленно надуваются, а после с ни менее противным звуком лопаются. И на этом я сидела?! Боже!

Внезапно, боковым зрением, замечаю какое-то движение со стороны. Нет, это вынести невозможно, хуже ужастиков.

Я нехотя оборачиваюсь за спину и взираю... Не понимаю как мне удалось сдержать крик. Повешенные женщины дёргаются в петлях, протягивают ко мне свои гнилые руки, что-то громко кричат и плачут. Казалось, весь лес слышит эти оглушающие стоны и мольбы: «Помоги нам», «Помоги», «Спаси нас», «Услышь нас», «Спаси наших детей», «Помоги нам».

Я медленно качаю головой, выпучив из орбит глаза и отступаю назад, как во что-то врезаюсь. Ох... Пожалуйста...

Обернувшись, застаю в шаге деревянный знак с надписью: «Казнь салемских ведьм за их приступление в 1693 году. Кладбище Салли Хилл». Это ведьмы?... Их так много. Не верю увиденному... История умалчивает правду, как всегда! В школьных учебниках ничего о таком не говорилось.

– Не оставляй нас, – плачет девушка с рыжими волосами.

– Помоги нам, пожалуйста, помоги...

– Спаси наших детей...

Они кричат все громче и громче. Я затыкаю уши и молюсь под нос, чтобы этот ад закончился. Мне больше не стерпеть.

– Хватит! Хватит! Я не могу! – кричу я, прикрыв веки.

Хочу домой! Хочу назад! Верните меня домой. Но не работало. Дерьмо!

– Тебе не сбежать от охотников, дитя... – вдруг говорит женский хриплый голос.

Я тут же перестаю кричать и поднимаю голову на повешенных ведьм.

– Что?.. – сглотнула комок, хлопнув ресницами.

– Они уже совсем близко. Они идут за тобой. Пророчество исполнится. Тебе не спрятаться.

Нет времени спрашивать кто она и откуда обо всем знает. Мёртвые не лгут.

– Как мне остановить их? – но она не отвечала, я подошла ближе. – Как мне их остановить?! Ответь!

Ведьма жутко смеётся, кашляя мутной кровью, затем, спрятав улыбку, говорит:

– Чтобы спастись, тебе нужно вернуться в самое начало. Тебе нужно услышать голос предков. Тебе нужно найти её...

Стоп.

– Её? Кого её?

Но ведьма не успевает назвать имя, ибо кто-то хватается ме-

ня за руку и тянет назад. Черт, нет! Нет! Мне нужно узнать имя. Казненные женщины затихают, а над ними кружатся страшные вороны, оглушительно каркающие, агрессивно работая крыльями. Нет. Я... должна... узнать... имя... Мне... нужно... имя... Нужно спешить.

1759 год. Кровавая пятница

Город пожирал огонь.

Крики, стоны и плач людей смешался с треском древесины и запахом горелой резины. Чёрный столб дыма заменил на и без того темном небе тучи. Ни звёзд, ни луны не видно. А земля пропитана кровью младенцев, жён и матерей, детей и стариков. Хаос восседал на троне.

Кто-то спешил потушить огонь, другие же, охваченные горем и паникой, оглядываясь за спину, бежали прочь, кто куда: и в лес, и в поля. Тех, кто пытался дать отпор, сразу убивали. Выходило даже так, что среди убитых были и простые смертные. Но никого этакий факт не беспокоил. Сейчас каждый сам за себя.

– Матушка! – вопит одна юная дева, заглядывая в горящий дом, где не было проходу: огонь уничтожил все, а дым доделывает его работу.

Девушка, глотая слезы то ли от безысходности, то ли от дыхания дыма, рассматривает тени в огне, но внезапно кто-то грубо хватает её за волосы и тащит на улицу. Со звонким криком падает девушка на землю, проглотив щепотку песка. Её тело в ужасных ожогах, нарывах и ссадинах. Эта ночь поистине адская.

– Вставай, нечистая! Отродье сатаны! – пинает её ногой

взрослый мужчина, и девушка выпускает стон.

Охотник небрежно переворачивает девушку на спину и плюёт в лицо.

– Вставай! И тогда, возможно, я убью тебя быстро.

Юная ведьма, кашляя кровью, изгибается на земле и уже почти ничего не видит. Её избивали камнями, палками и ногами. Она больше не в силах терпеть эти муки и унижения, а угрозы проклятого охотника – пустяки. Девушка его не страшится.

– Ну, ведьма, тогда умри лёжа, как подобает дворняге! – охотник с ненавистью посмотрел ей в лицо и замахнулся отравленным клинком, как внезапно позади него, сквозь этот оглушительный шум, раздался властный холодный голос.

– Отойди, Джон. Я сама с ней разберусь.

Мужчина немедля развернулся и опустил глаза, потому как этой охотнице запрещено было глядеть в лицо.

Джон кивнул ей, открыв путь к измождённой ведьме, чей дух почти испустился. Кто-то пробегает мимо девушки и наступают ей на раскрытую ладонь, но она не кричит от боли. Боли как таковой ведьма не чувствовала. Только лёгкость и печаль. Какая жалость, она не попрощалась с мамой...

Охотница подошла к сбитой с ног девушке и села перед ней на корточки, грубыми движениями руки рассматривая её изувеченную физиономию. И пусть вокруг творится хаос, для охотницы это дело не новое. Каждый день случается по-

добное, а плачь детей и вопли матерей привычное эхо в её голове. Эти звуки преследуют её и днём, и ночью; словом, от призраков не убежишь.

– Ходить можешь? – спросила охотница, закончив осматривать ведьму.

Та, кое-как раскрыв рот, произнесла:

– Могу?

Неизвестная закатила глаза и провела кончиком языка по полости щёк. Она не любит тех, кто туго соображает.

– Если не хочешь, чтобы тебя раздавили, как крысу, дай мне руку и вставай. Пока никто не видит, – с опаской оглянулась по сторонам она, оставаясь бесстрастной.

– Но почему ты мне помогаешь? Ты должна убить меня. Ты – охотник.

Девушка с властным голосом выпрямляется и подымается на ноги, спрятав запазуху лук и стрелы.

– Никто не вправе диктовать мне, чего я должна делать, а чего нет. Я сама вольна выбирать. И ты, кстати, ведьма, тоже.

Девушка, много раз моргая, чтобы избавиться от тумана в глазах, пялится на статую охотницу и изумляется.

Она достаточно молода, но так рассуждает и воспекает о правах. Это странное явление. Девушкам не положено и думать о подобном, это дурной тон. Охотница протягивает ведьме руку, и та, соскребав оставшиеся силы, протягивает ей свою. Ладони сомкнулись.

* * *

Огня больше не было, остался только дым, запах трупного и горелого мяса. Ветер разносил по воздуху звенящее эхо криков. Северная часть города, слегка отдаленная от основной части Салли Хилл, превратилась в настоящее кладбище с призраками. Дым все ещё наполнял собой небосвод, но блеклая луна умудрялась просачиваться сквозь чёрную завесу, желая поглядеть на плоды трудов охотников. И они постарались на славу. Кому-то повезло сбежать, но кто-то... навсегда остался в Салли Хилл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.